

INSPIRIA

ПИСЬМА ИЗ ЛОНДОНА

✈️ ОТ АВТОРА РОМАНОВ
«ПЛАТЬЕ КОРОЛЕВЫ»
И «ГДЕ-ТО ВО ФРАНЦИИ»

ДЖЕННИФЕР РОБСОН

INSPIRIA

Дженнифер Робсон
Письма из Лондона
Серия «**Novel. Мировые хиты**»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67748016
Письма из Лондона: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-170035-5

Аннотация

Журналистка из Нью-Йорка Руби Саттон приезжает в Лондон в 1940 году. Для нее это карьерный шанс – непредвзято освещать войну в Европе. Руби сталкивается с неоднозначной реакцией – она иностранка, женщина, и далеко не всех устраивает ее присутствие в гуще событий.

Но в безумном мире, где каждый день ты можешь потерять все, даже жизнь, Руби понимает, что только подлинная дружба, любовь и взаимная поддержка могут облегчить положение людей. И Руби влюбляется. Вот только что значит любить человека, чья жизнь окутана тайной и который рискует собой каждый день?

Руби все сложнее занимать нейтралитет, особенно когда на город начинают сбрасывать бомбы.

Содержание

Часть первая	8
– 1 –	8
– 2 –	22
– 3 –	37
– 4 –	52
– 5 –	71
– 6 –	86
– 7 –	102
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Дженнифер Робсон Письма из Лондона

Jennifer Robson Goodnight from London Copyright © 2017
by Jennifer Robson Published by arrangement with William
Morrow, an imprint of HarperCollins Publishers.

Фотография на суперобложке: Stephen Mulcahey /
Trevillion Images В оформлении обложки использована
иллюстрация:

© svekloid / Shutterstock.com Используется по лицензии от
Shutterstock.com

© Крылов Г., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Изда-
тельство «Эксмо», 2022

* * *

ПИСЬМА
ИЗ
ЛОНДОНА

ДЖЕННИФЕР РОБСОН

INSPIRIA

Москва

Выражаю признательность доктору Александру Мэтьюсу и имению Марты Геллхорн за разрешение перепечатать отрывок из статьи «Раненые возвращаются домой» Марты Геллхорн, впервые увидевшей свет в «Кольерс Уикли» (4 августа, 1944).

***Памяти Никки Муар
(1919–2014),
первоклассной журналистки,
замечательной бабушки и женщины,
которая познакомила меня с Руби***

Часть первая

Ты лежал в высокой траве, ветер тихонько обдувал тебя, а ты смотрел, как сотни серебристых самолетов роятся в небесах, словно тучи мошкары. Вокруг тебя были зенитные орудия, они вздрагивали и кряхтели, пронзали небеса маленькими белыми вспышками. Ты видел сверкание крыльев и длинные белые перья выхлопов, ты слышал рев моторов и треск пулеметов. Ты знал, что судьба цивилизации решается в пятнадцати тысячах футов над твоей головой, в мире солнца, ветра и неба. Ты это знал, но все равно никак не мог с этим согласиться.

*Вирджиния Коулес,
корреспондент «Санди Таймс».
В поисках неприятностей (1941)*

– 1 –

Июнь 1940.

Нью-Йорк

Руби ждала у кабинета Майка Митчелла уже сорок пять минут, сидя на жестком стуле под мерцающей электрической лампой. Блестящий этаж Рокфеллер-центра, где располагались роскошные кабинеты, предназначался не для «Америкен». Четвертый по популярности американский журнал

прозябал на третьем этаже не имеющего лифта здания, расположенного в самой занюханной части Восточной Сорок седьмой улицы, и если кто-то жаловался на нехватку телефонов или необходимость надевать в помещении пальто в период с ноября по апрель, то мистер Митчелл просто смотрел на него взглядом, который, как знали все, обозначал: «Если тебе не нужна эта работа, то спустя секунду здесь будет десяток человек, с радостью готовых занять твое место».

Не успела Руби утром снять пальто, как ее вызвала его секретарша, и теперь, сидя в ожидании, она радовалась тому, что сегодня в очередной раз не успела позавтракать, потому что ее желудок принялся совершать кульбиты. Мистер Митчелл поздоровался с ней в первый день и после этого два раза кивал ей в коридоре, но она даже не была уверена, знает ли он, кто она такая. А теперь, как выяснилось, он хочет ее увидеть.

Она считала, что успешно справляется со своей работой в журнале. Ее именем уже были подписаны две опубликованные статьи, а в пяти других случаях ее упоминали как соавтора. Она даже получила повышенный гонорар за недавнюю душеспитательную историю о семье бельгийских беженцев, которые никак не могут прийти в себя от потрясения после катастрофического разгрома их страны.

Может быть, она кому-то перешла дорогу. Сделать это было легко, поскольку среднестатистический репортер – нервный, как кот в комнате, заставленной креслами-качалками.

Не сказала ли она чего-нибудь не в свой черед на последней летучке? Может быть, она совершила ошибку, перебив кого-то из старой гвардии?

Мистер Митчелл этим утром был на удивление тих, что само по себе вселяло тревогу. Руби, проработав несколько первых дней в журнале, привыкла к его грубому реву, который был неизменно звучащей басовой нотой в редакционной комнате. Даже когда дверь его кабинета была закрыта, что случалось нечасто, его возгласы, то одобрительные, то возмущенные, было легко услышать за стуком печатных машинок, звонками телефонов. Но она понятия не имела, что представляет собой тихий Майк Митчелл – хорошо это или плохо.

– Мисс Саттон! Все еще здесь?

– Да, сэр, – ответила она и, чуть постукивая зубами, осторожно вошла в кабинет.

Она предполагала, что в его кабинете царит кавардак, как в кабинете почти любого главного редактора – стопки бумаг, книг, страницы корректуры с пометками. Но стол мистера Митчелла был практически пуст. Два телефона, в середине одинокий лист бумаги, старый кофейник, из которого торчали ручки и карандаши для рисования музыкальных нот. А больше ничего.

Когда Руби вошла, мистер Митчелл смотрел в окно, из которого была видна лишь голая кирпичная стена, а когда развернул кресло лицом к ней, она изо всех сил постаралась не

шевелиться. Пряжка волос щекотала ее щеку, но она подавила в себе желание убрать ее за ухо. Если она начнет возиться с прядками, то непременно занервничает, а нервный вид будет подразумевать, что она знает за собой какие-то грехи. Это был один из первых уроков, которые она выучила девочкой в приюте Святой Марии, и один из самых трудных.

Она откашлялась в ожидании, а когда он снова ничего не сказал, заговорила сама:

– Вы просили меня зайти к вам?..

– Да. – Он указал на стул перед его столом. – Садитесь и напомните мне – сколько вы у нас уже работаете?

– Около шести месяцев, сэр.

– Вы довольны работой? Нашли свое место?

– Да, сэр.

– Билл Петерсон вами доволен. Он говорит, что вы не жалуете себя на работе, а ваши уши и глаза всегда открыты.

Она облегченно вздохнула. Главный редактор был приятным малым, но скупым на похвалы. «Сойдет», – такой была самая высокая оценка, какую она слышала из его уст.

– Я...

– Я читал ваши работы. Вы не ахти какой стилист, верно? Правда, у нас и места для этого особо нет.

«Америкен» имел свой собственный фирменный стиль, который напоминал продвинутую версию телеграфного, до сих пор используемую телеграфными службами с целью экономии денег на трансатлантических телеграммах. Сжатый,

лаконичный и скупой, этот стиль относился к таким частям предложения, как обстоятельства, словно к икре – деликатесу редкому, на который в лучшем случае следует поглядывать с подозрением, – и безжалостно пресекал любые попытки персонала воспарить на своих поэтических крылышках.

Мистер Митчелл откинулся на спинку своего кресла, сцепил руки на затылке и впился в Руби немигающим взглядом.

– У меня есть одна мысль, как использовать ваши таланты. Это будет означать крутые перемены в вашей жизни.

У нее ушло несколько секунд, чтобы осмыслить услышанное.

– Не поняла. Разве вы вызвали меня не потому, что я где-то напортачила?

– Да нет же, черт побери. С чего вы это взяли? Если бы дело было в этом, я бы сразу так и сказал.

Он подался вперед, подтолкнул к ней по столешнице лист бумаги и показал, что она должна его взять.

– Я получил это от Уолтера Качмарека, редактора лондонской «Пикчер Уикли». Прочтите-ка.

28 мая 1940

Дорогой Майк,

Избавлю тебя от всяких вступлений и сразу перехожу к делу: теперь, когда «странная война» осталась позади, Лондон заполняется американскими журналистами, и я, повстречав их на прошлой неделе не меньше дюжины, начал думать, что и мне один такой не помешал бы – тем ребятам, которых я встречал,

палец в рот не клади, они находчивые, и им совершенно не свойственна показная учтивость. По крайней мере, в тех случаях, когда речь идет о хорошей статье. У меня нет бюджета, чтобы взять такого человека на полную ставку, но я мог бы разделить расходы, если бы ты надумал прислать ко мне одного из своих ребят. А если у тебя есть девчонка, то и того лучше; семейные новости сегодня – хлеб наш насущный. Кто-нибудь умный и независимый и не слишком зацикленный на всяких тонкостях вроде сахара в кофе, потому что и то и другое теперь в дефиците в доброй старой Англии и, скорее всего, пребудет в таком состоянии еще долго.

Если в твоём лесу такие не водятся, так сразу и напиши. То же самое распространяется и на тот случай, если у тебя есть кого мне прислать.

С наилучшими.

Кач

– Ну? Что скажете? Вы готовы?

Руби, почти убежденная, что он разговаривает с кем-то другим, все же подавила в себе желание оглянуться и посмотреть, к кому обращены эти слова. Она попыталась сосредоточить свой неуверенный взгляд на письме.

– То есть вы хотите сказать, что думаете отправить туда меня?

– Да.

– И не кого-то другого из штатных корреспондентов? Тома Альфредсона или Дэна Мазура?

– Я в конечном счете могу отправить туда Мазура, но это уж для освещения боевых действий. Если Британия и ее союзники закрепятся на континенте. И потом, Кач говорит, что ему нужен женский взгляд на происходящее, а вы как раз хороши во всяких гуманитарных делах. Мне понравилось то, что вы на прошлой неделе написали о беженцах из Бельгии.

– А что насчет Фриды Линдеман? – настаивала она. Ну ведь не могли ей делать такое предложение, он, наверное, с кем-то ее перепутал?

– У нее на руках родители. Нет. Помолчите. Я уже поговорил с Петерсоном. Он говорит, что у вас тут нет семьи.

– Мистер Петерсон знает о вашем предложении? И не возражает?

– Конечно. Итак – у вас есть здесь семья?

– Нет. Здесь – нет.

И нигде нет.

– Так в чем проблема? – Теперь в голосе мистера Митчелла слышалась нотка нетерпения. – Вас что-то здесь держит? Любовник? В этом дело?

Руби покачала головой, ее лицо зарделось.

– Нет, сэр.

– Вы хотите получить эту работу или нет?

– Хочу, мистер Митчелл. Хочу. Только дело в том, что... понимаете, у меня нет паспорта.

– Так вот что вас беспокоит? Господи боже, с этим мы все устроим. Принесите ваше свидетельство о рождении, а кто-

нибудь из наших штатных фотографов снимет вас. У меня есть приятель в Госдепе – он постарается, чтобы не было никаких задержек.

Обычно реакция у Руби была хорошая, но сейчас слишком уж много информации обрушилось на нее. Она окинула взглядом кабинет мистера Митчелла, необычно аккуратный кабинет, ничуть не похожий на то, что она воображала, потом украдкой бросила взгляд на фигуру редактора, который нисколько не казался угрожающим. Может быть, ей все это снится. Пусть этот сон удивительно подробен, но все же это сон. Кошмары или даже хорошие сны вроде этого иногда немного расходятся с действительностью в деталях. Вот взять хоть доброту мистера Митчелла в этом ее сне.

Если она видит сон, то пора уже проснуться и заглянуть правде в глаза. Чтобы поторопить события, она впилась ногтем большого пальца в ладонь другой руки – пусть боль разбудит ее. Но все осталось на своих местах.

– И когда мне уезжать? – спросила она секунду спустя, чувствуя, как пустилось вскачь ее сердце. Она не знала – то ли от возбуждения, то ли от страха.

– Недели через две. Как только будет готов ваш паспорт. У вас сейчас есть что-то в работе?

– Статья о программе Нового курса Рузвельта по обучению рабочим специальностям. Это...

– Заканчивайте с ней, а потом почитайте о Европейской войне. То, что печаталось в «Тайм» и «Ньюзвик». И еще, по-

жалуй, в «Таймс». Есть еще вопросы?

– И как это будет выглядеть? Вы оба станете печатать мои опусы?

– Все будет зависеть от опуса. Было бы хорошо, если бы вы писали для нас каждую неделю или две. Мы могли бы завести рубрику «Письма из Лондона» или что-то в этом роде.

– Кажется, такая рубрика уже есть в «Нью-Йоркере» для колонок Молли Пантер-Даунс.

– Ну и прекрасно. Придумаем что-нибудь другое. Лишь бы была в ваших опусах известная солидность. Чтобы никаких заметок о бравых пилотах «Спитфайров» или отважных девицах, которые приезжают на своих велосипедах работать на предприятие, выпускающее боеприпасы. Еще вопросы?

– Кто будет мне платить, сэр? Не хочу, чтобы мой вопрос показался корыстным.

– Ничуть. Так, как пишет об этом Кач – мы с ним поровну будем оплачивать вашу работу и покрывать расходы. Так же, как здесь. Но очевидно, что никаких ленчей в «Савойе» не предусматривается. Еще?

Вопросов у нее был миллион, но раздражать его сейчас было бы неумно. К тому же она могла задать эти вопросы множеству других людей.

– Дело только в том... – начал он, и морщины прорезали его лоб. – Это может быть опасно. Мы оба знаем, что велика вероятность высадки немцев к концу лета. Как американка и журналистка, вы будете в большей безопасности, чем другие.

Но предупредить я вас все равно должен.

– Понимаю, сэр. – Она сомневалась, что он стал бы предупредить об этом кого-нибудь другого из штата журнала, но она была моложе большинства сотрудников, может быть, поэтому он и беспокоился. – Я не боюсь. И я готова рисковать.

– Умница. Ступайте, мисс Саттон. А я сейчас позвоню Петерсону.

– Спасибо, мистер Митчелл.

Он кивнул, на его лице появилась ухмылка, потом он взял телефонную трубку, развернулся в своем кресле, водрузил ноги на книжную полку под окном, откинулся назад так далеко, что Руби даже напряглась – ей показалось, он вот-вот перевернется вместе с креслом, но если у этого кресла существовала какая-то точка равновесия, то он явно определил ее прежде.

Через несколько секунд она уже сидела за своим столом в самом темном углу кабинета, где расположились и остальные начинающие штатные корреспонденты. Она тяжело опустилась на стул, дыша так, будто пробежала милью, а не прошла всего несколько ярдов, что немедленно привлекло внимание ближайшей соседки. Бетти Чилтон проработала в штате всего на несколько месяцев больше, чем Руби, и у них был один телефон на двоих и одна общая пишущая машинка.

Руби часто вспоминала тот первый день своей работы, когда познакомилась с Бетти. У нее были уверенные и в то же время беззаботные манеры человека, который и родился в

семье с другим социальным статусом, и образование получил соответствующее. По правде говоря, именно такие манеры не один год пыталась освоить и Руби, полировала их многократными просмотрами фильмов с участием Мирны Лой и Нормы Ширер в кинотеатре за углом от пансиона, в котором жила.

Бетти принадлежала к тому разряду девушек, что покупают себе юбки и блузы в шикарном магазине «Бонвит Теллер», а потом белошвейки делают им окончательную подгонку покупок по фигуре. Бетти с родителями снимала дом на Риверсайд-драйв, а летние уик-энды проводила в Наррагансетте. Бетти не требовалось покупать «Руководство по этикету» Эмили Пост и зачитывать его до дыр, пока его положения не закрепятся в голове.

Но Бетти была дружелюбной и милой, и если она и замечала, что одежда Руби куплена на распродажах в дешевом универмаге «Джей Си Пенни», что у нее одна шляпка и на лето, и на зиму, или если она и понимала, что Руби отказывается от ее приглашения сходить на танцплощадку по той причине, что у нее нет подходящего платья, то она на сей счет помалкивала.

– Что случилось, Руби? Мистер Митчелл тебе нахамил?

– Ничуть. Он отправляет меня в Англию. Представляешь?

– В Англию?

– Он меня командирует в «Пикчер Уикли». И я буду работать в Лондоне. Может быть, мне даже колонку собствен-

ную дадут.

От того, что она произнесла это вслух, полученное предложение не стало казаться ей более реальным. Она едет в Англию. Писать о войне. А опыт работы у нее всего шесть месяцев. Но выбрали почему-то именно ее.

– Ну, ты везучая.

– Я знаю. Я сама еще не поверила. Почему именно меня из всех выбрали?

– А почему бы не тебя? Мистер Петерсон доволен твоей работой.

– Я думаю, сыграло роль и то, что я в самом низу тарифной сетки. А теперь каждый из них будет выплачивать мне по половине моего жалованья.

– Наверно, они все же не выбрали бы тебя, если бы мистер Митчелл не решил, что ты годишься для этой работы. Так что перестань волноваться и погордись собой немного.

И вдруг в памяти возникло непрошеное воспоминание, беспощадное и унижительное. Сестра Бенедикта – ее ноздри раздуваются от презрения, ее горячее дыхание обжигает лицо Руби своей горечью. Она заставляет Руби выставить вперед ладони и больно бьет по ним линейкой. Требуется, чтобы Руби повторяла перед всеми: «Я так на всю жизнь и останусь никем. Я так на всю жизнь и останусь никем. Я так на всю жизнь и останусь никем».

Она покорно повторяла эти слова для сестры Бенедикты, но с каждым болезненным ударом по ее нежным рукам при-

носила другой обет. «Я добьюсь успеха в этой жизни, – безмолвно шептала она. – Я добьюсь успеха в этой жизни».

После в жизни Руби было немало удручающих и несчастных дней, дней, когда она была голодна, когда мерзла и уставала так, что едва держалась на ногах. И каждый раз она испытывала благодарность к сестре Бенедикте за ее жестокость. Если бы она сдалась, то тем самым подтвердила бы правоту монахини, а воспоминания об обете, который она принесла самой себе, придавали ей сил, заставляли идти вперед.

Бетти похлопала Руби по руке, и этот дружеский жест мигом прогнал призрак сестры Бенедикты.

– Ты ведь не боишься? Война идет в Европе, а не в Англии. Лондон пока безопасный город. А если немцы решат оккупировать Англию, то тебя наверняка отправят домой. Мы же с ними не воюем.

Руби кивнула, оставляя при себе все свои возражения. Если бы мистер Митчелл сделал такое предложение Бетти, та определенно приняла бы его с благодарностью и мужеством.

– Ты права, – сказала она. – Я знаю, что права.

– И когда ты уезжаешь? – спросила Бетти.

– Не знаю пока. Сначала нужно получить паспорт.

И в этот момент ее желудок снова принялся выделять кульбиты.

Мистер Митчелл сказал, что им понадобится свидетельство о рождении, а это означало, что ей придется вечером от-

правиться к Дэнни на Адскую Кухню и надеяться, что он будет не слишком занят. Но когда она объяснит, он наверняка ей поможет. Кто воспитывался в приюте Святой Марии, тот навсегда останется воспитанницей приюта Святой Марии.

Обойдется это недешево – тут уж никуда не денешься. Нужно будет сходить домой и посмотреть, сколько осталось из отложенных на черный день купюр в конверте, спрятанном за верхним ящиком ее бюро. А это означало, что ровно в пять, и ни минутой позже она должна уйти, поскольку идти к Дэнни, когда он уже выпьет пару стаканчиков, не имеет смысла. Свидетельство о рождении, написанное трясущейся рукой, и через Гудзон ее не переведет, не говоря уже об Атлантике.

30 июня 1940. «Синдбад». Северная Атлантика, где-то к северу от Ирландии

Стук в дверь ее каюты раздался ровно в семь часов. Впервые за две недели Руби почувствовала себя более или менее по-человечески и сумела не только одеться, но и расчесать колтуны в волосах и сесть на койку.

Когда Руби поднялась на борт «Синдбада» в гавани Галифакса, она вся горела предвкушением тех приключений, что ее ожидали: пересечение океана, жизнь в новой стране, ответственный труд на увлекательной работе. Но не прошло и нескольких часов после отплытия, как ее свалила морская болезнь, и болезнь эта выражалась вовсе не в смутно неважном самочувствии или легком подташнивании, какие она всегда представляла себе, думая об этом недуге. Эта болезнь выворачивала ее желудок, выжимала из нее жизненные соки, пыталась вывернуть наизнанку все ее тело, ее мир сузился до кушетки, с которой она вставала, только чтобы ее вырвало в ведро, стоявшее рядом.

Но сегодня она почувствовала, что, может быть, и выживет. В ее голове пульсировало, вероятно, потому что несколько дней она не могла сидеть, но все пережитое того стоило, хотя бы даже ради нового вида, который открылся ей в иллюминаторе. Вид представлял собой всего лишь ясные

серые небеса и местами клочки облаков высоко наверху, но все равно зрелище завораживало.

Стук повторился.

– Входи, Дэви, – громко сказала она.

Дэви Экклз был самым юным и трудолюбивым стюардом на «Синдбаде». Оставив школу два года назад, он поступил в торговый флот и теперь уже имел за спиной службу на трех разных судах. Он говорил, что предыдущий его корабль был получше, но его поставили на ремонт, а Дэви не смог выдержать больше недели в хостеле для моряков в Ливерпуле. И когда ему предложили работу на «Синдбаде», он, не задумываясь, согласился на опасный переход по Северной Атлантике.

– Я хотел было записаться в военно-морской флот, но отец хочет, чтобы я оставался моряком торгового флота, как они с дедушкой, так что я буду работать здесь.

– А ты не боишься? – спросила она.

– А разве все мы не боимся? И в Ливерпуле опасно, и вообще, я думаю, теперь опасно повсюду в Англии. Ну а бояться, когда ты работаешь, как-то не очень получается.

А работа и вправду была опасная. Немецкие субмарины тем летом устроили настоящую охоту в Атлантике, потому что конвои растянулись на много миль от одного берега до другого, а корабли ВМФ не могли одновременно находиться во всех местах.

Но вопрос об остановке конвоев не стоял, потому что они

были тем спасательным кругом, который поддерживал Британию на плаву и позволял ей обороняться. Такие пассажиры, как Руби, были редки – конвои везли совсем другие грузы: еду, топливо, военные материалы из колоний, и враг рассматривал любой корабль как военную цель. Если летом 1940 года и было где-то на земле более опасное место, то Руби и представить себе не могла, где оно.

Когда морская болезнь подкосила ее, один только Дэви и присматривал за ней, и если бы он не приносил ей слабый чай, сухие тосты и свежие простыни и полотенца в достаточном количестве, то она не сомневалась: ее безжизненное тело уже давно выбросили бы за борт.

– Посмотрите-ка – вы уже сидите! Видать, вам лучше сегодня стало.

– Стало, спасибо. И спала я хорошо.

– Тогда ваши щеки скоро порозовеют. Вот вам завтрак. У меня было предчувствие, что вам станет лучше. И я, кроме чая и тоста, принес вам кашу.

Руби постаралась не смотреть на кашу, потому что в животе у нее начинался крутеж от одной только мысли о каше, а вовсе не от морской болезни. В приюте Святой Марии она ела кашу раз в день, а иногда и два, если на ужин ничего другого не было, а когда оставила приют навсегда, поклялась себе, что никогда в жизни больше не притронется к каше – уж лучше будет голодать. Однако обижать Дэви этими словами не стоило.

– Спасибо. На вид очень аппетитная. Есть сегодня какие-нибудь новости?

Узнав, что Руби – журналист, Дэви взял на себя труд делиться с ней каждой крохой информации, которая будет поступать на корабль по радию. Когда Франция чуть более недели назад капитулировала перед Германией, Дэви разбудил Руби посреди ночи, уверенный, что она будет ему благодарна.

– Из Франции больше ничего, – сказал он. – Гитлер посетил Париж, но об этом я уже говорил вам вчера – верно?

– Угум, – ответила Руби, набившая тостом рот.

– Так, значит... они начали бомбить Англию еще дальше на север. Я думаю, хотят вывести из строя заводы Мидлендса. По крайней мере, так сказал адмирал, когда я принес ему утренний чай.

– А Мидлендс – это где? – спросила она.

– Не знаю, как это вам поточнее сказать. К северу от Лондона, но не севернее Манчестера. С Бирмингемом посреди-не. Я вырос на южном побережье, в Портсмуте, так что сам я никогда там не был.

– Жертвы есть?

– Адмирал Фонтен не сказал. Вам свежие простыни или полотенца нужны?

– Нет, спасибо, мне пока хватит. И еще раз спасибо тебе, Дэви.

Руби допила чай и доела тост в одиночестве. Спустила пол-

часа она по-прежнему чувствовала себя совсем неплохо, а потому осторожно поднялась с койки и подошла к иллюминатору, чтобы получше посмотреть, что там происходит за бортом. Иллюминатор был маленький, заляпанный солеными брызгами, но она сумела все как следует разглядеть.

Там было не так уж мрачно, как ей показалось прежде, потому что вода была синеватого оттенка и ярко сверкала, кружась в водовороте волн, а небо становилось еще ослепительнее по мере того, как солнце поднималось все выше и выше. Дэви предупреждал, что землю они не увидят, пока не подойдут к Ливерпулю практически вплотную, и бесконечно далекий горизонт не вызывал у Руби раздражения, а еще она не позволяла себе вглядываться в волны – не появится ли что-нибудь, указывающее на приближение подводной лодки.

Когда ее изводила морская болезнь, дни проходили, сливаясь в бесформенную трясину мучений, поэтому она удивилась, когда, найдя в себе силы сесть и сделать несколько глотков бульона, обнаружила, что они в море уже десять дней. Обычно, как сказал ей Дэви, на пересечение Атлантики уходит меньше времени, но их корабль шел в составе конвоя и потому мог идти всего лишь со скоростью самого медленно-го корабля в группе.

В Нью-Йорке секретарь мистера Петерсона, ответственная за организацию поездок персонала, рассказала ей про «кривой» маршрут, каким она попадет в Англию. Сначала она доедет поездом до Бостона, потом пересядет на ночной

поезд до Галифакса. Оттуда она будет добираться через океан на судне, идущем в составе следующего в Англию конвоя сухогрузов и кораблей для перевозки войск. Это немало удивило Руби.

Она понимала, что о билете на самолет лучше и не спрашивать, потому что билет в одну сторону до Англии стоил сотни и сотни долларов. Но все же она надеялась, что у нее будет каюта в пассажирском лайнере, который отойдет из Нью-Йорка.

– Слишком дорого, – откровенно сказала мисс Гэвин. – И все равно ни один из этих лайнеров не идет в Англию. Слишком опасно. Вот тебе билеты – у тебя есть какое-нибудь безопасное место, чтобы хранить их? – а вот твой паспорт.

Вечером дня перед отъездом коллеги по «Америкен» устроили ей импровизированную прощальную вечеринку, и даже мистер Митчелл заглянул на кусочек торта и бумажный стаканчик пунша с изрядной долей виски. В качестве прощального подарка ей преподнесли новейшую камеру «Кодак» – «Беби Брауни», и один из штатных фотографов научил ей пользоваться. Эта суета смутила Руби, хорошо хоть никто не попытался произнести речь.

Руби знала лишь немногих соседей по пансиону, потому что никогда не приходила домой к обеду, а миссис Хирш, жившая через две двери от нее и единственная из постояльцев, кто хоть иногда с ней говорил, умерла от рака год назад. Женщину, которая заняла освободившуюся комнату, Руби

так никогда и не видела.

Хотя Руби прожила там почти три года, свои вещи она собрала за час. Вся ее собственность уместилась в один, пусть и довольно больших размеров, чемодан, поскольку она никогда не покупала никаких безделушек и не хранила никаких сувениров, кроме нескольких фотографий. Единственная принадлежащая ей вещь, которую она ценила, – единственная вещь, ради которой она стала бы рисковать жизнью, спасая ее из пожара, – была универсальная пишущая машинка «Ундервуд», да и то по единственной причине: Руби в течение года еженедельно погашала кредит, на который приобрела машинку.

По совету Бетти и нескольких других девушек с работы она набила второй чемодан чулками, мылом, кольдкремами, заколками-невидимками, шоколадными батончиками, добавила туда еще и три банки арахисового масла – всем тем, что, по словам ее советчиц, было сейчас невозможно приобрести в Англии.

Она покинула Нью-Йорк без шума, как и приехала сюда почти шесть лет назад. Поезд, следовавший вверх по побережью, доставил ее через границу в Канаду и до Галифакса. Там она провела три дня, пока собирались и загружались корабли конвоя. Там она впервые и почувствовала вкус войны, потому что в городе местами по ночам действовало затемнение, а некоторые продукты – например, свежие яйца и сахар – стали дефицитными.

Наконец ее вызвали из отеля – величественного здания, битком набитого канадскими морскими офицерами, и служебным катером доставили на «Синдбад», а теперь она порадовалась, что не знала тогда, как ей будет нехорошо всего через несколько часов. Потому что, зная это, она бы никогда не покинула твердую землю.

Менее чем сорок восемь часов спустя они пришвартовались в Ливерпуле. Пришло время для последнего завтрака на скорую руку, который еще до рассвета принес ей в каюту Дэви. Парнишка медлил, явно не желая с ней прощаться.

– Вы точно знаете, куда вам дальше? – спросил он ее уже, наверное, в третий раз.

– Думаю, да. На пристань, потом в таможню, потом на вокзал. Верно?

– Верно. Не забудьте купить прямой билет до Юстона¹, иначе вам опять придется толкаться в очереди. У вас денег-то хватит?

– Женщина, которая организовала мою поездку в Нью-Йорке, дала мне пять фунтов. Этого хватит?

– Хватит, чтобы доехать до места, потом вернуться, а потом прокатиться еще раз. Вы, значит, сначала едете на вокзал Эдж-Хилл здесь, в Ливерпуле, оттуда поездом на центральный ливерпульский вокзал Лайм-стрит, а оттуда уже до Юстона. Вы запомните или вам записать?

¹ Название одного из лондонских вокзалов.

Она улыбнулась, успокаивая его.

– Я запомню. Ах да, я должна позвонить в журнал, где буду работать.

– У вас монетки для телефона-автомата есть?

– Нет. Но мне сказали, что я могу позвонить с оплатой получателем вызова.

– Тогда это просто, – заверил он ее. – Вы предупредите оператора в самом начале, перед тем как назвать номер, она разберется. В главном зале вокзала Лайм-стрит куча телефонных будок. И там будут носильщики – они помогут вам с вашими вещами, так что не тащите все сами.

– Не буду. – Она протянула ему руку, а потом, поскольку они были одни и она прониклась к нему теплыми чувствами, чмокнула его в щеку. – Спасибо еще раз, Дэви. Спасибо за все.

– Не за что. Вы должны знать, ну, что вы... замечательная девушка, мисс Саттон, – сказал он, и голос у него перехватило. – Желаю вам всего наилучшего.

Сердце Руби сжалось – он был такой милый парнишка, и ей невыносимо было думать, что он через несколько дней вернется в море, будет играть в кошки-мышки с немцами на всем обратном пути до Канады. Он был такой юный, и взрослеть ему пришлось слишком быстро. И она сказала ему слова прощания и отвернулась, чтобы не смутить их обоих своей слезливостью и сентиментальностью.

Она сошла с корабля и оказалась на вокзале, прежде

чем успела начать нервничать. С кораблей конвоя сошли этим утром несколько тысяч человек, и офицеры таможенной службы не задерживали их долго – лишь бегло просматривали паспорт и ставили штамп прибытия в Соединенное Королевство. Никто даже имени ее не спросил. И только теперь она остановилась перевести дыхание.

Дэви все так четко ей объяснил, что она без труда добралась с одного вокзала до другого. Телефонные будки стояли там, где он и говорил, и ей оставалось только назвать свое имя и номер «Пикчер Уикли» и ждать ответа.

Всего через несколько секунд она услышала в трубке бодрый, деловитый женский голос, и когда Руби представилась и сказала, каким поездом приедет в Лондон, женщина пообещала, что ее встретят.

Руби повезло занять место у окна, из которого ей открывался великолепный вид на Англию в разгар лета. Такой зеленой местности она еще не видела, и как только Ливерпуль остался позади, ее глазам предстало то, что представляла собой эта земля – бесконечные мили полей, низких стен из плитняка и невероятно живописных деревень. Довольно часто за окном словно из ниоткуда появлялись небольшие городки, строгие острова кирпичной кладки посреди цветущего моря зелени.

Устремленные в небо каньоны величественных улиц Нью-Йорка тоже казались ей странными и незнакомыми, когда она шесть долгих лет назад оставила Нью-Джерси ради Ман-

хэттена. Она тогда нервничала, сомневалась в себе, как и сейчас, но тогда она победила свои страхи. Несмотря ни на что, добилась кое-каких успехов, и вот теперь собиралась продолжать в том же духе. Что бы ни ждало ее в Лондоне, она докажет, что сестра Бенедикта ошибалась.

«Юстон! Лондон Юстон! Конечная станция, леди и джентльмены, Лондон Юстон!»

Руби вздрогнула и пришла в себя. Все остальные в ее купе уже были на ногах, доставали свои сумки и чемоданы с верхних полок, а платформа уже заполнилась спешащими пассажирами. С чемоданами в руках, пишущей машинкой в футляре на плече и с сумочкой, свисавшей с другого плеча, Руби вынырнула на платформу и потащилась к выходу. Железнодорожный служащий ждал, когда она предъявит ему билет, но ей не удалось достать его вовремя, так что пришлось отойти в сторону и рыскать по карманам в поисках этого дурацкого билета.

– Мисс Саттон?

Она подняла голову, удивленная тем, что проверяющий знает ее имя, но тут же поняла, что к ней обращается другой человек, стоящий по ту сторону ограждения. На нем была форма армейского офицера, а в руках он держал лист бумаги с крупно напечатанными словами МИСС Р. САТТОН.

– Я Руби Саттон, – отозвалась она.

– Меня зовут капитан Беннетт. Уолтер Качмарек попро-

сил меня встретить вас.

– Спасибо, – сказала она. – Очень вам признательна.

Капитан Беннетт был выше нее на целую голову и выглядел лет на тридцать с небольшим, хотя Руби в том, что касалось определения возраста, редко попадала в точку. Смотрел он обескураживающе прямолинейным взглядом, а силой рукопожатия мог сравниться разве что с цирковым атлетом.

– Мы с Качем друзья, а вторник у него самый занятой день, – сообщил он. – Я вот оказался в городе и без особых дел, поэтому он и попросил меня встретить вас. Это все ваши вещи? Сундука в багаже нет?

– Нет. Это все.

– Отлично. – Он повернулся к железнодорожнику, нахмурил лоб. – Пропустите-ка ее, хорошо? – Хотя предложение и было сформулировано в вопросительной форме, его тон говорил совсем о другом.

– Хорошо, сэр, – ответил железнодорожник и сделал Руби знак проходить.

– Давайте мне ваши чемоданы, – сказал капитан Беннетт. – Моя машина у вокзала.

Он провел ее мимо ряда такси у выхода с вокзала к машине, припаркованной у тротуара на несколько ярдов подальше. Водитель вышел, обогнул машину, чтобы уложить чемоданы Руби, поворчал себе под нос:

– Не торопились, однако. Сказали – пять минут.

– Прошу прощения. Поезд мисс Саттон опоздал.

Она села, крепко сжав в руках футляр с пишущей машинкой, и водитель тронулся.

– Как переход? – спросил капитан Беннетт.

– Как в тумане. Большую часть в пути лежала – морская болезнь. Но атак на конвой не было, так что жаловаться не приходится.

– Пожалуй, – согласился он.

– Куда мы едем?

– Отель «Манчестер». Вы там будете жить. У них множество других постояльцев, там чисто и безопасно. Хотя и не очень шикарно.

– Меня это не особенно волнует, пока моя кровать на месте, когда я на нее ложусь.

Уголок его рта чуть приподнялся в улыбке, но потом капитан словно передумал, и его черты приняли совершенно нейтральное выражение.

– Обещаю вам, она будет на месте.

Руби повернула голову, чтобы посмотреть в окно – городские виды поражали ее. В отличие от упорядоченного плана верхнего Манхэттена здесь, казалось ей, дороги были проложены как бог на душу положит, а все здания, которые она видела, не поднимались выше трех-четырех этажей. И здесь было гораздо тише – уличный трафик не шел ни в какое сравнение с нью-йоркским. Такси и доставочные грузовички составляли большую часть машин, хотя ей часто попадались на глаза и телеги на конной тяге, а еще по улицам носилось

немало велосипедистов.

Она посмотрела на капитана Беннетта – тот закрыл глаза, вероятно, радуясь выдавшейся ему спокойной минутке. Она не могла не признать, разглядывая его теперь без опасения быть им замеченной, что он красив, как кинозвезда. У него были коротко подстриженные волосы, которые, вероятно, вились бы, если бы он отпустил их подлиннее, высокая переносица, как у римского сенатора. Длинные ресницы не могли скрыть теней у него под глазами и следы усталости, въевшиеся в его черты. Она видела перед собой человека, уставшего до мозга костей, и если бы она знала его лучше – или брала бы у него интервью, – то непременно дозналась бы, откуда у него эта усталость.

В этот момент он открыл глаза, словно почувствовал тяжесть ее взгляда, а когда повернулся и посмотрел на нее, она увидела, что глаза у него темного, обворожительного оттенка голубого.

– Здесь все другое? – тихо спросил он.

– В сравнении с Нью-Йорком? Пожалуй. Видать, небо-скребы вам здесь не по душе?

– Не очень, – согласился он.

– Были когда-нибудь в Нью-Йорке?

– Нет. Я в Америке не был. Но всегда хотел побывать. Теперь уже, наверное, после войны.

Машина сделала поворот на углу и остановилась перед большим темным зданием.

– Отель «Манчестер», – сообщил водитель.

– Точно. Приехали, – сказал капитан Беннетт. – Ваш новый дом ждет вас.

Пока капитан Беннетт расплачивался с таксистом и собирал ее багаж, Руби рассматривала фасад своего нового дома. Название навевало мысли о величественном особняке, но на деле «Манчестер» представлял собой гору покрытого сажей кирпича и скорее походил на тюрьму, а не на отель. Руби в подпорченном настроении последовала внутрь за Беннеттом.

– Добрый вечер, – сказал он женщине за стойкой регистрации. – Это мисс Саттон. Для нее забронирован номер, возможно, от имени «Пикчер Уикли». Она только что прибыла из Америки.

Портье ответила ему теплой и искренней улыбкой, что сразу же подняло оценку отеля в глазах Руби.

– Добро пожаловать в Англию, мисс Саттон. Вы наверняка устали. Так что я постараюсь оформить все как можно скорее. Вы у нас на половинном пансионе – завтрак и ужин, и обязательно давайте нам знать, если вы будете что-то пропускать. Завтрак с половины седьмого до половины девятого, ужин с половины шестого до восьми часов. Постельное белье и полотенца меняются каждую субботу. Входная дверь запирается в десять каждый вечер, но вы можете позвонить, если будете опаздывать. Вот ваш ключ – 312. У нас есть бомбоубежище в подвале, там есть койки, но без одеял и подушек.

Берите свои, если у вас хватит времени после начала звука сирен. И не забывайте плотно задергивать шторы на окнах. Если нас оштрафуют, мы переложим выплаты на вас. Потребление горячей воды ограничено. Так что не наполняйте ванну выше маркировки. И мне понадобится ваш паспорт, удостоверение личности и продовольственная книжка. Пожалуйста, и спасибо.

Капитан Беннетт вынул из кармана сложенную книжку и протянул портье.

– Прошу прощения. Нужно было сразу же вам вручить. Это временная продовольственная книжка на мисс Саттон. Она передаст вам постоянную, как только получит ее. Вместе со своим удостоверением личности. А до этого времени, я надеюсь, ее паспорта будет достаточно. Мисс Саттон?

Руби быстро передала свой документ, спеша как можно скорее попасть в комнату. Женщина быстро пролистала паспорт и записала его регистрационный номер.

Поскольку коридорного (если их так называли в Англии) нигде не было видно, Руби собралась тащить свои вещи сама, но капитан Беннетт вновь пришел ей на помощь – он взял все, включая и ее драгоценную машинку, и двинулся к ближайшей лестнице.

– Пореже пользуйтесь лифтами, если есть такая возможность, – посоветовал он, не оглядываясь. – Механики, которые их обслуживают, вернутся еще не скоро.

Ее номер представлял собой узкую мрачную комнату, по-

лумрак которой усиливали шторы затемнения на единственном окне. Вдоль одной стены стояла металлическая кровать, а у другой – комод и маленький письменный стол. В углу слева от окна висела раковина. Никаких изысков, но номер обеспечивал ей уединение и был чистым, к тому же в тысячу раз лучше, чем та спальня, которую она до четырнадцати лет делила с другими девчонками.

Руби подошла к окну и с облегчением увидела, что оно выходит на лабиринт небольших улочек; она всегда предпочитала прекрасному виду тишину. Она повернулась, собираясь пожать руку капитану Беннетту и попрощаться с ним, но он заговорил первым:

– Вы, конечно, устали, но позвольте пригласить вас на обед? То место, которое я имею в виду, гораздо приятнее, чем здешняя столовая. Если вам требуется несколько минут, я могу подождать внизу.

– Вы уверены? – спросила она. – Я бы не хотела отнимать ваше время больше, чем...

– Абсолютно уверен, – сказал он. Она услышала что-то в тоне, которым он произнес эти слова. Что это было, она не могла бы объяснить, но почему-то почувствовала, как ей стало тепло и спокойно после его слов. Может быть, дело было просто в шутливости его интонации, скрывавшейся за его внешней сдержанностью и некоторой чопорностью.

– Очень мило с вашей стороны. Пять минут не очень долго?

– Сколько вам понадобится. Жду вас внизу.

Она закрыла за ним дверь и подошла к раковине, чтобы умыться. Только мыла она не обнаружила. Расстегнув чемодан поменьше, она выудила оттуда брикетик мыла, стараясь не обращать внимания на баночки с арахисовым маслом, манящим сильнее, чем пение сирен.

Времени переодеться у нее не было, к тому же вся прочая ее одежда наверняка помялась, поэтому она плеснула в лицо водой, причесалась, почистила зубы, накрасила губы, напудрилась и появилась внизу ровно пять минут спустя.

– Все готово, – сообщила она.

– Вы не возражаете, если мы пройдемся? – спросил он, открывая перед ней дверь. – Это недалеко – около трети мили.

– Ничуть не возражаю.

Она не жаловалась на рост, но капитан Беннетт был выше ее дюймов на шесть, ноги у него, соответственно, тоже были длиннее, и шел он со скоростью, которая ей казалась чуть ли не бегом. Они прошли в таком темпе минут пять, капитан время от времени обращал ее внимание на какие-нибудь достопримечательности, а потом свернул на боковую улицу, которая становилась чем дальше, тем уже и темнее, а начавшее уходить на запад солнце совсем ее не касалось.

– Мы идем в сторону Кларкенуэлла, – сказал он, словно это название что-то говорило Руби. – О Кларкенуэлле вы не прочтете в туристических путеводителях, но это одно из моих любимейших мест в Лондоне. А то место, куда мы идем,

одно из моих любимейших мест в Кларкенуэлле.

Они остановились перед узким окном-витриной.

– Кафе «Победа», – прочла Руби буквы в окне. Внутри за шторами затемнения, которые пока не были задернуты, она мельком увидела несколько столиков, накрытых скатертями в красно-белую клетку. Беннетт открыл дверь, пропустил ее вперед, и их мгновенно окутали вызывающие обильное слюноотделение ароматы итальянской кухни.

До этого момента, как она поняла теперь, она предполагала, что он ведет ее в какое-нибудь заведение традиционной английской кухни, где их накормят чем-нибудь наподобие рыбы с жареной картошкой или ростбифов с... бог знает с чем его тут едят. Он никак не мог знать, что ее любимое нью-йоркское заведение – маленький итальянский ресторанчик за углом от места ее работы, но он привел ее именно сюда, где, судя по запаху, подавали точно такую еду, которую она любила больше всего.

– Беннетт! – раздался голос откуда-то из глубин зала. Появился улыбчивый человек в переднике и с искренней радостью пожал протянутую руку капитана Беннетта. – Как я рад тебя видеть, мой друг. Мы уже тут беспокоились...

– Ну, в беспокойстве нет ни малейшей нужды. Джимми, это мой друг Руби Саттон. Мисс Саттон только сегодня приехала из Америки, и путешествие у нее было не из легких. Я подумал, что она заслужила хорошей еды.

– Лучшая еда в Лондоне – вот что вы получите здесь, в

моем кафе, – пообещал Джимми, пожав руку Руби почти с тем же энтузиазмом, что и руку Беннетта. – Добро пожаловать. Проходите и садитесь, а я вам принесу фирменный хлеб Марии.

– Я хожу сюда уже много лет, – сказал ей Беннетт. – Этим местом заправляют Джимми и его жена Мария. Раньше тут за главного был ее отец, но потом он отошел от дел. Он...

Джимми вернулся с корзиночкой хлеба, источавшей божественный аромат, и двумя написанными от руки меню.

– Слышал новость? – спросил он капитана Беннетта, и на его лице при этом появилось мрачное выражение.

– Слышал. Ужасное происшествие. На этом корабле был кто-нибудь из ваших знакомых?

– Родственник Марии. Мы так беспокоимся. Викторико уже почти восемьдесят.

– Они все еще в Шотландии?

– Последнее известие от них было из Шотландии.

– Я порасспрашиваю, – сказал капитан Беннетт. – Если узнаю что-нибудь, сообщу тебе непременно.

Лицо Джимми сморщилось, и на мгновение Руби показалось, что он сейчас заплачет.

– Спасибо, Беннетт. Ты так добр к нам, так добр к моей семье.

– Для меня это не труд. Твоя семья кормила меня много лет. Да, пока я не забыл – вино у тебя есть?

– Немного есть. Несколько бутылок «Санджовезе» и одна

«Брунелло ди Монтальчино». Хочешь вина?

– Принеси нам немного «Санджовезе». По бокалу, хорошо?

– Тебе, Беннетт, что угодно.

Капитан Беннетт дождался, когда Джимми уйдет за пределы слышимости, и только после этого заговорил снова:

– Мы с ним говорили об одном корабле – «Звезда Арандоры». Его сегодня утром потопила немецкая подлодка у западного побережья Ирландии. Это случилось приблизительно в то же время, когда вы пришвартовались в Ливерпуле. Корабль направлялся в Канаду и был под завязку набит итальянцами, хотя большинство из них родились здесь, в Англии.

– Это ужасно, – сказала она, чувствуя, как портится аппетит. – Столько ни в чем не виноватых людей...

– С того времени, когда Муссолини накрепко связал судьбу своей страны с Гитлером, для Джимми начались тяжелые времена. Отца и братьев Марии отправили в лагерь в Шотландии. Джимми пощадили, потому что он не связан с ними кровными узами и сам по национальности не итальянец. А название его ресторана? «Победа», но две недели назад он назывался «Виктория».

– Они изменили название, чтобы звучало патриотичнее?

– Они его изменили, потому что шайка каких-то кретинов десятого июня закидала их окно кирпичами. А на следующей неделе забитое досками окно залили черной краской из

ведра.

– Они отважные люди – не испугались, продолжают дело.

– А какой у них есть выбор? Но немало людей в округе знают их и любят... они должны выжить. Ну так вы, наверное, умираете с голода. Нашли что-нибудь?

Руби пробежала меню – оно было коротким и не особенно информативным.

– «Запеченная паста под итальянским соусом». Как вы думаете, это лазанья?

– Да. Большинство итальянских ресторанов англизирует меню, я так думаю, это делается в интересах посетителей, страдающих ксенофобией. Заказать вам лазанью? – Она кивнула, и он помахал Джимми: – Мы с мисс Саттон будем есть лазанью.

Несколько минут спустя Джимми вернулся с двумя большими тарелками, на каждой по большому куску лазаньи – квадраты дюйма по четыре и не меньше двух дюймов толщиной. Вкус был такой же замечательный, как и запах, невзирая даже на то, что в лазанье было больше морковки, чем мяса, и хотя Руби обожгла язык, положив в рот первый кусок, останавливаться она не стала, отрезая кусок за куском, пока не разделалась почти с половиной. Только тогда она заставила себя замедлить темп. Ведь в конечном счете никто не собирался отбирать у нее лазанью, если она ее не съест в одну минуту.

– Вкусно? – спросил капитан Беннетт.

– Очень. – Она глотнула вина – в первый раз после Святого причастия – и постаралась не поморщиться. Ей предстояло полюбить красное вино, как и чай.

– Так вы из Лондона? – начала она. Она задала этот вопрос не из простого любопытства, а из естественного интереса к близкому другу ее главного редактора. Тот факт, что этот близкий друг был красив и привлекателен, понимал толк в еде, к ее вопросу никакого отношения не имел. Абсолютно.

– Я рос неподалеку от этого места.

Она ждала, что он продолжит, но он только пил вино маленькими глотками и с непроницаемым выражением смотрел на нее.

– Вы служили в армии до войны? Ведь на вас сейчас армейская форма, как я понимаю?

– Армейская. Я служу в четвертом батальоне Оксфордширской и Букингемширской легкой пехоты. Нелегкая задача – выговорить это, правда? Легче было бы сказать Окской и Букской. Я служу с прошлой осени.

– А до этого?

– До этого я был барристером. Или, как говорят американцы, адвокатом.

– А почему вы решили стать барристером?

– Я ничего не решал. Это семейное дело, можно сказать. А вы? Вы откуда?

– Из Нью-Джерси. Хотя я много лет жила в Нью-Йорке – я говорю о городе Нью-Йорк.

– Правда? А говорите вы совсем без американского акцента. По крайней мере, такого акцента, который заметен мне.

Ей были приятны его слова.

– Вы имеете в виду, как Джимми Кэгни? «Ну вы эта, типпа», и все такое?

– Пожалуй. Я прошу прощения, если вы сочли это нахальством с моей стороны.

– Ничуть. К тому же многие жители Нью-Йорка именно так и говорят.

– Но не вы, – сказал он; на его губах мелькнула улыбка, и он вернулся к еде.

Она посмотрела на свою тарелку и с удивлением обнаружила, что уже прикончила лазанью.

– Наверное, я сильно проголодалась.

– Вам она понравилась, да? Лазанья?

– Понравилась. Гораздо лучше моего ленча – в поезде у меня не было ничего, кроме черствых крекеров. Я думала, не открыть ли мне одну из баночек с арахисовым маслом, но они лежали на дне...

– Масло, смешанное с орехами? – оборвал он ее. – Кто же это додумался до такого? Должно быть, что-то отвратительное.

Руби смогла только рассмеяться при виде гримасы ужаса, исказившей его лицо.

– Ничуть не отвратительное. Просто орешки, превращенные в разновидность желе. Мы его намазываем на что-ни-

будь. Я – на тосты и крекеры, а иногда даже просто ем с дольками яблок...

– Господи боже, остановитесь, пожалуйста, – взмолился он, допив вино. – Ореховое масло, – пробормотал он, с трудом подавляя смех. – Ох, уж эти американцы и их странное представление о том, что можно есть...

– И это говорит человек, живущий в городе, где едят заливного угря.

– Уверяю вас, это большой деликатес. А теперь давайте обсудим завтрашний день. Кач просил меня сказать вам, что ждет вас в половине девятого. Возьмите с собой ваш паспорт и попросите кого-нибудь из штатных фотографов вас сфотографировать. После работы вы сможете сходить в полицейский участок на Брайдуэлл-Плейс – это немного к югу – и получите там свое удостоверение личности. Они также должны вам выдать противогаз.

– У вас нет противогаса, – заметила она.

– У меня нет, но вам, видимо, придется иметь противогаз при себе, потому что выход из дома без противогаса считается нарушением. И неважно, что немцы не собираются травить нас газами – ведь чтобы нас убить, достаточно обычной бомбы.

– А что насчет моей пресс-карты?

– За ней вам придется обратиться в Министерство информации. Кач поможет. Как я сказал в отеле, ваша продовольственная книжка уже заказана. Запомнили?

– Да, – сказала она, надеясь, что запомнит все услышанное. Было бы позорно оказаться депортированной из-за того, что она забыла заполнить какой-то бланк.

Затем он вытащил из внутреннего кармана небольшую книжицу и положил перед ней. На обложке был абстрактный рисунок из переплетающихся линий и название «Атлас и подробный путеводитель по Лондону».

– На этой карте все лондонские улицы. Берегите книжку как зеницу ока, потому что достать еще одну такую практически невозможно. – Он говорил, быстро листая страницы подробных карт, а, найдя нужную страницу, раскрыл книжку и положил на столе между ними. – Вот отель, – сказал он, аккуратно обводя его карандашом, который вытащил из нагрудного кармана. – Может быть, вы заметили, что большинство уличных знаков снято, так что пока старайтесь держаться главных улиц. Чтобы завтра добраться до работы, вам нужно идти на юг, – сказал он, показывая направление карандашом, – здесь у собора повернете и пойдете на запад по Флит-стрит. Слева от вас будет Брайд-лейн. Свернете на Брайд и справа увидите ступеньки. Они ведут на кладбище при церкви Святого Брайда. Перед ступеньками дом номер восемьдесят семь, туда-то вам и нужно.

– Ясно. Номер 87, Брайд-лейн.

– Нет, простите – адрес: дом 87 на Флит-стрит. Я это должен был сказать. На двери есть табличка, вернее, сбоку от двери на уровне плеча. Поднимитесь по лестнице – вас там

наверняка будут ждать.

– Весь Лондон такой путаный?

– Почти весь, – признал он, ухмыльнувшись.

В этот момент подошел Джимми, чтобы забрать их тарелки.

– Я бы предложил вам кофе, но мне уже несколько недель не удается купить ни фунта, – сказал он виноватым тоном.

– Ничего страшного. К тому же мне пора проводить мисс Саттон в ее апартаменты.

Счет, написанный Джимми на клочке бумаги, составил три шиллинга и шесть пенсов.

– Вам уже рассказывали про английскую денежную систему? – спросил капитан Беннетт.

– Нет, – ответила она. – Мне пришлось спросить в билетной кассе в Ливерпуле, какими монетами расплачиваться.

– Иностранцам это кажется бессмыслицей. Я вам расскажу на пути в «Манчестер».

Они попрощались с Джимми и двинулись в обратном направлении. Капитан Беннетт на ходу терпеливо объяснял ей про фунты, шиллинги и пенсы, и спустя какое-то время она даже начала думать, что в этом есть какой-то смысл.

Она редко чувствовала себя такой раскованной после столь короткого знакомства, но в капитане Беннетте было что-то располагающее. Может быть, дело было в той убедительной, надежной уверенности, которую он излучал, и она не могла не признать, что для нее это в первый день ее пре-

бывания в чужой стране стало немалой поддержкой. И, конечно, не последнюю роль играло и то, что он был одним из красивейших мужчин, каких она когда-либо встречала. Если она не будет вести себя осторожно, то все может кончиться тем, что она будет хлопать перед ним ресницами и все время запинаться, как какая-нибудь инженерю с невинными глазками.

– Хотел раньше у вас спросить, – сказал он, когда они ждали возможности пересечь Лонг-лейн, – вы знаете про затемнение?

– Знаю. Потому что в Галифаксе, где я останавливалась на пути сюда, было затемнение. Я знаю, что со шторами нужно быть внимательной.

– Да, это так. И еще вы должны быть внимательны, если оказываетесь на улице после наступления темноты. В облачные или дождливые дни, в безлуние тьма стоит кромешная. Вы не поверите, сколько народу покалечилось и даже погибло, споткнувшись о бордюрный камень или под колесами машины. А вы подвергаетесь большему риску, чем большинство. Непременно смотрите сначала направо, когда переходите улицу. Именно оттуда появится машина – справа, а не слева.

– Я буду осторожна. Обещаю.

Они подошли к входной двери «Манчестера».

– Спокойной ночи, мисс Саттон, – сказал он, пожав ей руку. – Удачи вам завтра.

– Спокойной ночи, – ответила она, а потом сразу же, чтобы не дать себе передумать, спросила: – Почему вы были так добры? Простите, если мои слова кажутся вам грубыми. Я просто хочу понять, почему вы потратили чуть не целый день, чтобы помочь совершенно незнакомому человеку. Только и всего.

– Это просто мои безукоризненные английские манеры, – ответил он, и, хотя на его лице не появилось улыбки, ей показалось, что он поддразнивает ее. – Конечно, если бы у вас было хоть малейшее сходство с таким старым седым журналюгой, как Кач, то я бы вас просто оставил на вокзале.

– К счастью, вы этого не сделали. Спасибо вам за сегодняшний день.

– Не за что. Если у вас возникнут какие-нибудь трудности с дальнейшим существованием, дайте мне знать. Кач знает, как меня найти.

Руби проснулась на рассвете и, протерев глаза от сна и пробормотав благодарственную молитву за ночь в настоящей кровати и на твердой земле, надела халат и тапочки, на цыпочках поспешила по коридору и наскоро приняла теплую ванну. Откинув волосы с лица, она надежно закрепила их заколками-невидимками, отдала им приказ не виться, а потом занялась одеждой. Вчера, когда она открыла чемодан, выяснилось, что ее одежда помялась, но было уже слишком поздно искать прачечную отеля или спрашивать, есть ли у них в Англии такая вещь, как электрический утюг.

Поэтому она просто прошла по жакету, юбке и блузе влажным полотенцем и положила их на стол, чтобы отлежались за ночь. Это помогло устранить самые безобразные помятости. К тому же вряд ли кто-то в журнале ждал, что она появится, одетая с иголки.

Она заставила себя позавтракать в столовой, где получила крепкий чай, холодный тост и с гулькин нос варенья. Официантка, представившаяся как Магги, предложила ей взять с собой на работу сэндвич с рыбной пастой, и Руби с трудом удержалась от гримасы. Возможно, вкус у этого сэндвича был лучше, чем название.

– Спасибо, но мне на сегодня хватит.

– Еще чашечку перед уходом?

Руби не сразу сообразила, что ей предлагают вторую чашку чая.

– Нет-нет, спасибо.

– Как вам угодно. Если хотите, чтобы вам вернули ваш чайный паек из вашей книжки, просто скажите мне.

В восемь часов она уже была в пути, на плече у нее висела сумочка, в другой руке она держала наготове свой путеводитель. С помощью него и пометок, оставленных капитаном Беннеттом, она без особого труда прошла нужным ей маршрутом, хотя и останавливалась через каждые несколько сотен ярдов, чтобы проверить свое местонахождение и оглядеть дома поблизости.

Лондон оказался красивым городом – война не изменила этого факта, по крайней мере, пока. Некоторые здания были ничем не примечательны, их простые фасады быстро вылетали из памяти, а другие напоминали сказочные замки: сводчатые окна, верхние этажи, нависающие на балках над улицей внизу.

Стекла в окнах крупных магазинов были обклеены лентами – она предположила, что в случае бомбардировки это помешает осколкам стекла разлететься. Кое-где окна вообще были забиты досками, и лишь в центре оставили небольшой просвет. Она вспомнила роскошные витрины магазинов Нью-Йорка, здесь же все выглядело более чем скромно. В одном обувном магазине на витрине одиноко стояла пара женских ботинок на шнурках, а на витрине аптеки поблизо-

сти она увидела набор средств для первой помощи, составленных в аккуратные ряды.

Потом она вышла к углу кладбища при соборе Святого Павла. Знаменитый собор показался ей проще, чем она воображала, но в то же время самым красивым из всех зданий, какие она когда-либо видела. Собор в своей строгой орнаментальности и выверенной симметрии оказывал какое-то успокаивающее воздействие. Ей казалось, он являет собой разум, воплощенный в архитектурной форме. Что такое в сравнении с ним безвкусный новый небоскреб?

Наконец она пересекла Лудгейт-Серкус, спеша следом за толпой пешеходов и стараясь, чтобы они ее не раздавили, и свернула на Брайд-лейн. Ровно перед ступеньками, ведущими на кладбище, как и говорил ей капитан Беннетт, она увидела дом 87. К кирпичной стене на высоте плеча была прикручена маленькая металлическая табличка: ПИКЧЕР УИКЛИ – ПРИЕМНАЯ НА ПЕРВОМ ЭТАЖЕ.

Она открыла дверь, сразу за ней находилась лестница – где же тут первый этаж?² – по которой она и пошла на площадку наверху. Она открыла еще одну дверь – на сей раз никак не обозначенную – и оказалась в небольшом коридоре. В дальнем конце за столом сидела женщина. Увидев Руби, она встала и подошла к ней, протянула руку.

– Мисс Саттон? Рада познакомиться. Меня зовут Ивлин

² В британской традиции счет этажей начинается с цокольного, а первым называется следующий за ним этаж – по-американски второй.

Берридж. Я вчера говорила с вами по телефону. Позвольте, я возьму ваши плащ и шляпку. Как ваш вояж через океан? Нормально устроились в «Манчестере»? Беннетт вас встретил?

– Встретил. Очень мило с вашей стороны, что вы его прислали.

– Ну, это была идея Кача. Так, летучка начинается через пять минут, так что у вас есть время познакомиться с остальными. Хотите чашечку чая?

– Нет, спасибо. Я только позавтракала.

– Надеюсь, они с вами там любезны. В «Манчестере», я имею в виду. Сегодня найти жилье стало непросто, но Кач знает кое-кого, кто знает еще кое-кого – ну, вы знаете, как это бывает.

Они разговаривали, идя по короткому коридору, который выходил в комнату больших размеров, где по периметру стояли отдельные рабочие столы, а в середине – большой круглый стол, обставленный стульями. Они подошли к столу в дальнем углу.

– Это ваше место. У вас собственный телефон – у нас десять линий, так что со звонками у вас не должно возникнуть проблем – и пишущая машинка. В ящик слева я положила карандаши и вставочку с новым пером, там же пузырек с чернилами и всякой другой мелочью – скрепки и все такое прочее.

Руби не ожидала увидеть больше, чем темный уголок, об-

щий с кем-то телефон и пишущую машинку, и ее новое рабочее место приятно ее удивило.

– Отлично! – воскликнула она, думая, все ли в «Пикчер Уикли» будут такими же милыми, как мисс Берридж.

– Я так рада, что вы довольны. Летучка начнется, как только появится Кач, – мы все садимся за большой стол. – Мисс Берридж посмотрела на свои наручные часы и нахмурилась. – Вы не возражаете, если я сбегаю к моему рабочему столу? Нужно еще успеть уладить кое-что...

– Конечно, конечно.

Все остальные здесь, казалось, были погружены в свои дела, и она решила не отвлекать их сразу – она села, достала свой блокнот, засунула сумочку в правый ящик. Когда она подняла голову, перед ее столом стояли двое – мужчина и женщина. Мужчине на вид было под тридцать, как показалось Руби. Стройный, с приятным лицом, которому придавали выразительности тоненькие усики. Женщине рядом с ним было, вероятно, чуть меньше, столько же, сколько самой Руби, и она как две капли воды походила на Бетти Грейбл.

– Вы – та самая новенькая? – спросил мужчина.

– Да, – ответила она и протянула руку. – Руби Саттон.

– Меня зовут Нелл Фишер, – сказала женщина.

– А меня – Питер Друри. Мы штатные корреспонденты.

– Рада познакомиться с вами обоими. Как я поняла, у нас скоро должна начаться летучка.

– Вот-вот, – уточнила мисс Фишер. – Ждем, когда появят-

ся Кач и Найджел.

– Хотите, мы представим вас остальным? – предложил мистер Друри. – Мы некоторое время работали минимальным штатом, так что мы чертовски рады вашему прибытию.

– Это правда, – сказала мисс Фишер. – Мы дни считаем с того времени, когда Кач сообщил нам о вашем приезде. Год назад у нас было восемь штатных корреспондентов. Теперь вместе с вами нас будет трое.

– Три корреспондента в еженедельном журнале? Как же вы управляетесь? – удивленно спросила она.

– Бывают недели – от стола не оторваться, – сказал мистер Друри. – Но Кач почти каждую неделю пишет большую статью. Это большая подмога.

– Число страниц в журнале сократилось, – добавила мисс Фишер. – До войны у нас в каждом номере было по семьдесят две страницы, а теперь большинство недель журнал выходит всего в двадцать четыре. Главным образом из-за нехватки бумаги. И рекламы размещают меньше.

– А фотографии в штате у вас есть?

– Да, – ответил мистер Друри. – Но их всего двое. Они обычно прячутся в своем гнезде наверху. У них там студия и проявочная. На летучку они спустятся.

– А вы... – начала было Руби, но ее прервал голос из коридора:

– Доброе утро!

– Это Кач, – сообщил мистер Друри.

– Вы так его и называете – Кач? Не мистер Качмарек?

– Никто его не называет Качмарек, – сказала мисс Фишер. – Он просто Кач. И он не выносит никаких церемоний.

– Как и мы, – добавил мистер Друри. – Мы здесь все зовем друг друга по именам. Давай-ка сядем.

Она заняла стул справа от мистера Друри – Питера – и удивилась, увидев, что справа от нее устраивается высокий, довольно неуклюжий мужчина с горой папок и бумаг в руках. Он бросил все это на стол неаккуратной грудой, а потом повернулся к Руби. Его глаза, сильно увеличенные очками, были бледно-голубого, почти ледяного оттенка, и у нее создалось впечатление, что он принадлежит к той категории людей, которые ничего никогда не упускают.

– Мисс Саттон? Руби? – спросил он голосом низким и приветливым, как у радиодиктора.

– Да, сэр, – ответила она и пожала его руку – громадную, как рукавица бейсбольного принимающего.

– Рад вас видеть наконец. Мой друг Беннетт был с вами обходителен?

– Да, сэр. Спасибо, что прислали его.

– Мы с вами поговорим чуть позже, а сначала наша летучка. – Он сел на стул, оглядел собравшихся. – Все на месте? Кто отсутствует? Только Найджелл. Хорошо. Пока мы ждем, я могу представить нашу новую коллегу Руби Саттон. Руби – я очень надеюсь, вы не станете возражать, если я буду называть вас по имени, – Руби была настолько любезна,

что оставила Нью-Йорк ради неопределенностей, в которых живет Лондон в военное время, и мы ей за это весьма благодарны. Я полагаю, вы уже познакомились с коллегами-корреспондентами?

– Да, сэр.

– Тогда перейдем к нашим фотографам. Франк Госсадж и Мэри Бьюканен.

Стол был слишком широк для того, чтобы обменяться над ним рукопожатием, поэтому она просто улыбнулась и кивнула обоим. Франк показался ей приятным, но почти непримечательным, а вот Мэри была яркой женщиной лет под сорок с резкими чертами лица, темными, почти по-мужски коротко подстриженными волосами, в идеально сшитом брючном костюме.

– Добро пожаловать в «Пикчер Уикли», – сказала она, ее шотландский акцент слышался в каждом раскатистом «р». – С нетерпением жду совместной работы.

– Спасибо, – ответила Руби, слишком испуганная пронзительным взглядом и уверенной осанкой мисс Бьюканен, чтобы сказать что-то еще.

– А теперь я хочу представить вас мистеру Данливи, нашему библиотекарю.

Руби обменялась улыбками с человеком лет семидесяти, таким хрупким, что, казалось, любой резкий порыв ветра мог сбить его с ног.

– Мистер Данливи работает в нашем журнале с момента

его образования в 1935 году, и могу сказать, что он знает о журнале больше, чем кто-либо другой, включая и меня.

В этот момент в комнату вошел еще один человек и устроился на стуле рядом с Качем. Довольно красивый, со светло-каштановыми волосами, падавшими на глаза, он выглядел лет на тридцать с небольшим – ровесник их редактора. Он протянул ей руку, выдохнул уголком рта дымок сигареты и приглушенно пробормотал «привет».

– Рад, что ты присоединился к нам, – сухо сказал Кач.

– Извини. Телефонный звонок задержал. Это Руби из Америки?

– Да, это мисс Саттон. Руби, это заместитель редактора Найджел Вернон, предположительно опоздавший из-за чего-то неотложного.

– Извини, не мог не договорить. Через минуту расскажу тебе.

– Я не могу ждать. Итак, Руби, наше расписание. Мы начинаем новый номер каждую среду, пока печатается предыдущий. Каждый берет в субботу свободных полдня, не работаем мы и по воскресеньям – мы в этот день свободны от поисков тем. Окончательная корректура выходит во вторник вечером, а на следующий день мы начинаем все сначала. Вам такой режим знаком?

– Да. Мы в «Америкен» сдаем журнал в печать по четвергам, но в остальном все то же самое.

– Тогда вы быстро привыкнете. Хорошо. С этим покончи-

ли. Приступаем. Найджел?

– Я только что разговаривал с человеком, который был на острове Гернзи на прошлой неделе, за несколько дней до того, как немцы захватили острова в Канале. Он хочет показать нам кое-какие фотографии. Насколько я понимаю, он заснял ущерб, нанесенный в результате бомбовых ударов за несколько дней до начала оккупации. Нужно, чтобы их просмотрело Министерство информации, они могут оказаться подделкой...

– Давай посмотрим, что они собой представляют, – сказал Кач. – Если они настоящие, я напишу статью о необходимости принятия решения по демилитаризации островов, о судьбе оставшихся там островитян и так далее...

– Верно, – сказал Найджел, делая какие-то записи и выпуская изо рта облачка дыма.

«Удивительно, что он бумагу перед собой видит», – подумала Руби.

– «Звезда Арандоры», – продолжил Кач. – Есть какие соображения?

Руби сделала глубокий вдох и заговорила, прежде чем успела подумать, что лучше бы этого не делать:

– А что, если написать о натурализованных итальянцах – у вас это так называется? Я говорю о людях, которые родились за границей, но прожили здесь достаточно долго, чтобы считать себя британцами. При таком их количестве наверняка есть истории о разлученных семьях. Высылают людей, кото-

рых ничто не связывает с Италией, кроме далеких туманных воспоминаний.

– К лагерям нас не подпустят, – сказал Питер, – но можно сходить в Кларкenuэлл. В соборе Святого Петра, наверно, проводят какие-то службы, и они устраивают какие-то шествия.

– Процессию в честь Пресвятой Девы, – вставил Кач.

– Да, оно самое. Я почти не сомневаюсь, что это состоится в ближайшие выходные.

– Хорошо. Бери на себя, Питер.

Руби ощутила укол разочарования, но Питер, судя по всему, знал район, и тема оказалась в надежных руках.

– Откуда вы узнали про «Звезду Арандоры»? – резко спросил Найджел. – Об этом не писали в утренних газетах.

– Капитан Беннетт пригласил меня в итальянское кафе вчера вечером. Он говорил с хозяевами о затопленном корабле.

– Конечно. Он любит это маленькое кафе, где заправляют макаронники.

– Найджел, – резко прошипел Кач.

– Прошу прощения, – сказал Найджел, хотя никакого раскаяния в его голосе не слышалось. – Я только хотел сказать, меня ничуть не удивляет, что он вас туда пригласил. Это любимое заведение нашего старого друга. В любом случае у нас уже есть достаточно материала страниц на восемь. Что еще у нас есть?

– А как насчет Брайтона? – спросила Мэри. – Они закрыли пляжи на время войны.

– Разве они не заблокировали *все* пляжи вдоль западного побережья? – спросил Найджел. – Почему именно о Брайтоне?

– Вспомните фотографии. Пирсы заблокированы, вдоль берега колючая проволока, брайтонский Королевский павильон обложен мешками с песком...

Кач кивал.

– Мне нравится. Давай-ка пошлем тебя и Руби. Только не сегодня – обещают дождь. И лучше сделать запрос в местное самоуправление заранее. Иначе какой-нибудь чиновный сукин сын назовет вас пятой колонной. Попросите Ивлин – пусть поможет, – посоветовал он, обращаясь к Руби. – А пока просмотрите наши недавние номера – мистер Данливи поделится с вами – и проникнитесь атмосферой. Посмотрите свежим глазом – нет ли каких дыр, которые нужно заполнить.

– Что-нибудь еще? – спросил Найджел, стоявший у стола.

– Как насчет распространения рационирования на маргарин и чай? – спросила Нелл. – Можно было бы поговорить с людьми на улице. Поспрашивать, что их волнует больше. Можно получить немало забавных ответов.

– Договорились. Бери это, Нелл, – сказал Кач. – Питер, есть на этой неделе приличные письма?

– О, да. Много ярости по поводу фотографий с тонущей «Ланкастрией». Высшая степень бесчувствия, выполня-

ем работу Геббельса за него и прочее, и прочее.

– Я думаю, для начала этого достаточно, – сказал Найджел. – Я позвоню парню с фотографиями Гернзи.

– А я позвоню дяде Гарри – не даст ли он отбой.

Ее коллеги вернулись к своим столам, а Руби подошла к Питеру, чтобы он разъяснил ей последнее замечание Кача.

– Питер? Позвольте спросить – кто такой дядя Гарри? Такое странное заявление со стороны Кача. Он и вправду спрашивает разрешения у своего дяди на определенные темы? И вообще – кто этот его дядя?

– Дядюшка Гарри – это наш почтенный издатель. Гарольд Стернс Беннетт.

– Ох ты. Он не родственник капитана Беннетта?

– Его дядя. Потому и «дядя Гарри». Я его никогда не видел, он живет где-то в Кенте, кажется. Теперь он пенсионер, у него куча денег, и по какой-то причине он хочет тратить их на нас.

– Понятно. Ну что ж, пожалуй, я сяду за работу. Как пройти в кабинет мистера Данливи?

– Прямо за этой дверью.

Получив все номера «Пикчер Уикли» с сентября 1939 года, Руби принялась читать и делать для себя заметки, и занималась она этим весь остаток утра. В половине первого, когда ее желудок уже начинал ворчать, зазвонил телефон. Его звук так напугал ее, что она чуть не опрокинула чашку с чаем комнатной температуры, которую Питер принес ей несколь-

ко часов назад.

Звонил Кач из своего кабинета в конце коридора.

– Время ленча, – сообщил он. – Мы идем в заведение по соседству.

Она схватила шляпку и плащ и последовала за ним по лестнице на улицу и тут же вверх по ступеням справа от их двери.

– На Флит-стрит немало мест, где можно поесть, – заметил он, – но это мое любимое. «Старый колокол». Здесь выпивали каменщики, которые строили церкви по проектам Рена³. А теперь сюда навевываются такие старые борзописцы, как я.

«Старый колокол» имел точно такой вид, какой, по ее представлениям, должен был иметь лондонский паб: повсюду темное дерево, полированная медная отделка у стойки, балки на низком потолке, о которые неосмотрительный человек вполне мог разбить лоб, и неулыбчивый бармен, посмотревший на нее весьма подозрительно.

– Привет, Пит. Привел вот моего нового корреспондента перекусить. Руби Саттон. Приехала из Америки, будет работать у меня.

– Ну, тогда ладно, – сказал Пит, хмурясь уже не так сильно. – Что будете?

– Сандвичи с сыром и чатни и...

³ Сэр Кристофер Рен (1632–1723) – английский архитектор и математик, который перестроил центр Лондона после Великого пожара 1666 года.

– Чатни кончилось.

– Тогда просто с сыром и для меня пинту горького. Вы что будете, Руби? Если не любите пиво, возьмите сидра. Или, может, у них шерри есть.

– Спасибо, я только сандвич, а чай в офисе выпью.

– Ну что ж, – сказал Кач, сев за столик и проглотив половину сандвича. – Я о вас почти ничего не знаю. Только то, что Майк Митчелл считает вас хорошим журналистом.

– Да и знать-то обо мне особо нечего. Выросла в Нью-Джерси. Там же и училась. После учебы переехала в Нью-Йорк. Мне повезло – получила работу в «Америкен».

У нее за время долгого плавания из Нью-Йорка было время, чтобы обдумать и отрепетировать этот ответ, поэтому теперь слова давались ей с благодатной легкостью. Она не сказала ему ни слова неправды – все до последнего слова было истиной. Просто она опустила кое-что.

– Майк Митчелл прислал несколько вырезок с вашими работами. Неплохо. Вполне зрелые для ваших лет. Не хочу показаться нахальным, но вам, предположительно, нет еще и двадцати пяти.

– Двадцать четыре.

– И сколько вы проработали в «Америкен»?

– Около полугода.

– Не очень много. Вероятно, Майк Митчелл очень верит в вас. Вы не знали – он собирался дать вам колонку?

– Он говорил об этом. Но только если ему понравится то,

что я ему буду присылать. Он сказал, что его уже тошнит от обычных историй.

– И меня тоже. Поэтому я и не пишу обычных историй.

– Я буду стараться.

Он кивнул. На его губах заиграла едва заметная улыбка.

– А чем вы занимались, прежде чем стали работать в «Америкен»?

– Работала секретарем в страховой компании. Я начала работать там после учебы в секретарском колледже. Это не университет, – добавила она, чувствуя, что должна быть полностью откровенной хотя бы в этом вопросе. Она сказала это, и ей сразу же пришло в голову, что Майк Митчелл или кто-то другой из «Америкен» вполне мог сказать Качу, что у нее степень бакалавра, и Кач может решить, что недостаточное образование делает ее непригодной для работы в его журнале.

К ее облегчению, улыбка не сошла с его лица.

– Где же вы тогда учились писать?

– Я не училась. Я хочу сказать, я читала все, что мне попадалось, и иногда писала истории о случаях, которые мне нравились. Просто для себя. Ну, чтобы понять... получается ли у меня.

– И этого хватило, чтобы вам дали место в «Америкен», – сказал он, впившись в нее взглядом своих светло-голубых глаз.

Она помедлила, не зная: то ли он задает вопрос, то ли кон-

статирует факт. А ей очень, очень хотелось начать работу в «Пикчер Уикли» с чистой страницы, чтобы между ней и Качем не было ничего, кроме правды. И она ждала, смотрела, как он откусывает сэндвич, запивает его пивом.

– Вы сказали, что выросли в Нью-Джерси? – спросил он несколько секунд спустя.

– Да. В Ньюарке.

– И всегда хотели стать журналистом? Не смотрите на меня удивленными глазами. Неужели вам никто раньше не задавал этот вопрос?

– Нет. Такими словами – нет.

– Итак? Когда вы решили стать журналистом?

– Не в детстве. Я помню, что некоторое время хотела стать кинозвездой. Потом я прочла книгу об Анне Павловой, и мне захотелось стать балериной. Глупые мечты, как я понимаю теперь. Я любила писать сочинения. Одна из немногих вещей, которые мне нравились в школе.

– И какие же истории вы писали? – спросил он, доев сэндвич и почти допив пиво.

– Всегда про девочек, искавших приключений – обычно они тайком пробирались на подвернувшийся океанский лайнер. Не самое оригинальное сочинение. Я бы наверняка ужаснулась, если бы сейчас прочла что-то из своей тогдашней писанины. – Она откусила кусочек сэндвича – он был сухой и безвкусный, но ее желудок успокоился.

– Когда я училась в вечерней школе, – продолжила Ру-

би, – я познакомилась с женщиной, которая работала в одном журнале на Манхэттене. Она учила нас печатать на машинке и стенографировать, и общение с ней заставило меня задуматься. Может быть, я могу попробовать себя в чем-то более интересном, чем работать секретарем или делопроизводителем. Может быть, я могу что-то такое, что мне нравится по-настоящему, например, работать журналистом.

– Вам и в самом деле нравится?

– О да. Я не думаю, что есть работа лучше. И ничуть не преувеличиваю.

– И что вам в ней нравится? – продолжал он.

Она откусила еще сэндвича – ей требовалось время, чтобы обдумать ответ.

– Мне нравится процесс поиска темы, а потом обдумывания – как ее лучше подать. Это похоже на пазл. По крайней мере, мне так кажется. И мне предстоит найти недостающие части. Я надеюсь... может быть, это покажется глупым...

Он покачал головой и наклонился к Руби, уперевшись локтями в стол между ними.

– Дело в том, Руби, что у меня уже есть два штатных корреспондента, которые именно этим и занимаются. Чем вы отличаетесь от них? Что вы можете привнести в эти истории? Кроме вашего интереса, прилежания и тому подобного.

– Я не уверена, – осторожно сказала Руби, – но, думаю, на пользу дела пойдет то, что я человек со стороны. Я не имею прямого отношения к войне... так что, может быть, я

привнесу новую перспективу?

Он кивнул, хотя, судя по свиному выражению его лица, его не убедил ее тусоватый ответ.

– Я прошу прощения, – проговорила она. – Вопрос справедливый, и вы заслуживаете лучшего ответа. Во всей этой суматохе последних недель со сборами и путешествием я, кроме практических вещей, ни о чем другом не думала. Где я буду жить и как найду себя – вот было главное.

– Я вас понял. Что ж, подумайте об этом, будет время. Мы все привносим что-то свое в истории, которые рассказываем. Может быть, ваш взгляд со стороны, как вы сказали, и станет изюминкой в том, что вы пишете... а может, он приведет к чему-то совсем иному. Но подумать об этом стоит.

Только к утру пятницы погода улучшилась достаточно, чтобы Руби и Мэри отправились в Брайтон. Серые небеса в этот день стали сапфирово-голубыми, на них остались лишь тонкие, как паутинка, перышки облаков, и Руби с одобрения Кача собрала необходимые вещи и на метро доехала до вокзала Виктория. Мистер Данливи дал ей историю Брайтона, почитать в дороге, а поскольку скорых поездов в это время дня не было, почти два часа в пути дали ей возможность познакомиться с городом и его историей.

Она купила билет, до отправления оставалось еще десять минут, а Мэри все не было, и Руби начала беспокоиться. Фотограф утром в офисе не появилась, но Ивлин сказала, что она сама или Кач позвонят ей домой. Руби прошла в самую середину билетного зала – огромного помещения размером с бейсбольную площадку, оглядела толпу в поисках коллеги и почти сразу ее увидела.

Мэри была женщиной невысокой и особой красотой не отличалась, если сравнивать с голливудской актрисой или светской дамой. Но в ее манере держаться присутствовало что-то, заставлявшее людей оглядываться на нее, что-то привлекающее внимание в уверенной посадке плеч, или, может быть, в спокойной, почти неколебимо бескомпромиссной манере, с какой она разглядывала идущих мимо людей.

Словно каждый проходящий был потенциальным объектом ее съемки, а она, художник, стояла в стороне.

Руби знала, что в Нью-Йорке фотографы всегда носят с собой сумку, набитую всякой всячиной, но у Мэри была только камера в футляре, небрежно висевшем на плече. Может быть, она обзавелась какой-то новейшей камерой, которая не требовала ни дополнительных объективов, ни чего-нибудь другого.

– Привет, Мэри, – окликнула ее Руби, напоминая себе, что нервничать нечего. – Вы билет купили?

– Да, купила. Готовы?

– Готова, – ответила Руби.

Она подготовилась к давке в вагоне, к тому, что, может быть, придется стоять, пока они не проедут несколько первых пригородных станций, потому что Найджел наотрез отказался компенсировать их расходы на билеты стоимостью выше третьего класса. К ее удивлению, вагон, в который они сели, был практически пуст. Она уступила Мэри место по ходу поезда, а сама села напротив.

– Когда, вы говорите, мы прибываем? – спросила Мэри.

– Без четверти два.

– Ну, тогда я посплю. Устала сегодня немного.

За южные пригороды они выбирались, казалось, целую вечность. Сельская местность здесь, насколько она могла видеть со своего места, значительно отличалась от того, что она видела из окна поезда, добираясь до Лондона из Ливерпуля.

Здесь как-то помягче, решила она, глядя на манящие холмы и спокойные долины, пронизанные серебристыми речушками. Особенно живописными казались ей деревни с их коттеджами и невысокими древними церквями; деревни были связаны между собой дорогами, огороженными зарослями кустарника, и эти извилистые дороги с их плавными поворотами не собирались оправдывать современных представлений о том, каким должно быть перемещение с места на место.

Мэри открыла глаза в то мгновение, когда поезд остановился в Брайтоне, и у Руби осталось чувство, что фотограф лишь имитировала сон, чтобы не разговаривать с ней. Они вместе направились в главный зал вокзала.

Нетрудно было догадаться, кто из десятка людей, ожидавших внутри, будет сегодня их проводником. Человек средних лет с аккуратно подстриженными усами, в комбинезоне, в каком нередко видели премьера, с нарукавной повязкой, на которой виднелась нашивка – крупные буквы ОМО. «Не хватает только защитного шлема и рупора», – подумала Руби.

– Вы – дамы из «Пикчер Уикли»? Меня зовут Берт Ренфру, я из Отряда местной обороны. Это формальность, но я должен увидеть ваши пресс-карты и удостоверения личности.

Он внимательно просмотрел их документы, хотя Руби из собственного опыта знала, что лишь немногие могут отли-

читать хорошую подделку от настоящих. Он вернул им документы, ухмыльнувшись едва ли не сочувственно.

– В наши дни осторожность не помешает. Кстати, мисс Бьюканен, вам следовало иметь при себе противогаз.

За несколько дней в Лондоне Руби заметила, что почти никто не носит с собой противогазов, но она, будучи иностранкой, не хотела привлекать к себе излишнего внимания. Каждый раз, выходя из своего жилища, она заставляла себя вешать сумку с противогазом на плечо. Мэри, очевидно, не испытывала на этот счет подобных опасений. Она не стала отвечать на слова мистера Ренфру, а просто уставилась на него прямым немигающим взглядом, пока он, покраснев, не сделал шаг назад.

– Я... я прошу прощения, что у меня нет для вас машины. Просьба пришла в последнюю минуту, а мы... мы тут были сильно заняты.

Настал черед Руби выступить в роли миротворца.

– Я в этом нисколько не сомневаюсь, и мы ничуть не возражаем.

– До берега тут недалеко, – добавил он. – Всего с полмили или около того.

Она шла в ногу с мистером Ренфру, терпеливо отвечая на его вопросы о причинах ее приезда из Америки и о ее мнении об англичанах, английской еде и английской деревне. Вскоре они дошли до последнего квартала домов и оказались на берегу. Перед ними лежали просторы Английского

канала, громадного и безграничного, тянущегося непрерывно до горизонта.

– Мне сказали, вы хотите посмотреть, как город защищает себя от высадки, – сказал мистер Ренфру. – Решение закрыть берега было нелегким, но необходимым. Отсюда до французского побережья, как вы видите, семьдесят миль к югу. *Враг* всего в семидесяти пяти милях.

Руби вынула блокнот и карандаш, начала делать стенографические записи.

– Сколько времени нужно, чтобы добраться до Франции через канал? Я имею в виду мирное время.

– Немного. Шесть часов, иногда меньше, если условия хорошие.

Они пересекли дорогу, остановились у ограждений перед крутым спуском к воде внизу, и мистер Ренфру обратил их внимание на предпринятые оборонительные меры.

– Мадейра-драйв – дорога внизу – закрыта, перегорожена колючей проволокой. Весь берег, конечно, заминирован, а с пристаней снята обрешетка – вы видите там пустоты. Даже это ограждение будет на следующей неделе усилено колючей проволокой.

– А эти бетонные сооружения? Похожие на детские кубики, только гораздо больше?

– Ааа, эти. Мы бы не хотели, чтобы вы описывали их в подробностях. Там в одних оборудованы пулеметные гнезда, другие – просто препятствия. Со временем они будут надле-

жащим образом закамуфлированы.

– Понятно, – сказала Руби, делая записи. – В любом случае текст и фотографии нужно утверждать в Министерстве информации, так что можете не беспокоиться на этот счет.

– Странно это видеть, – сказал мистер Ренфру. – Обычно в такой летний день на пляже полно людей. На Троицу тут и камушка на берегу не увидеть – столько там народа. А теперь... теперь спуск туда может стоить вам жизни.

– Это как-то влияет на город? Ведь здесь всегда было любимое место отдыха туристов, так, да?

– Это в прошлом. Пока большинство отелей закрыто. Никто не хочет оставаться здесь, так близко к берегу. Да еще когда сам берег выглядит как поле боя. Но мы должны сжать зубы и пережить это. Такая же ситуация и во всех других городах на Канале.

– Люди боятся вторжения?

Он пожал плечами, устремив взгляд на море:

– Думаю, не больше, чем все остальные. Я сплю спокойнее теперь, когда здесь стоят защитные сооружения.

– А чем вы занимались до ОМО? – спросила она.

– Работал клерком в муниципалитете. И сейчас продолжаю там работать – за местную оборону денег не платят. Вношу свой вклад, как и все остальные.

Пока они разговаривали, Мэри работала с камерой – ходила туда-сюда, то наводила камеру на пристань, то на изящные фасады приморских отелей. Хотя ее работа и спровоциро-

вала несколько подозрительных взглядов прохожих, присутствие мистера Ренфру придавало их действиям официальный характер и снимало все возможные обвинения в шпионаже.

Они прошли вдоль берега еще несколько минут, поравнялись с молодой женщиной с тремя детьми, один из них еще сидел в коляске.

– Приветствую, миссис Гудселл, – сказал мистер Ренфру. – Рад, что вы решили прогуляться и подышать свежим воздухом.

– Приветствую, мистер Ренфру. Все при деле, да?

– Верно. Эти дамы из журнала «Пикчер Уикли» в Лондоне. Будут писать статью о городе и его защитных сооружениях. Мисс Саттон, мисс Бьюканен, это моя соседка, живем на одной улице. Миссис Гудселл и ее детишки. Джонни, Стенли, и совсем малютка Кэрол.

– Рада с вами познакомиться, миссис Гудселл. Вы не будете возражать, если мы сфотографируем ваших детишек для статьи? – спросила Руби.

– Да нет. Если вы не будете писать, где мы живем и всякое такое.

– Нет, мы такого никогда не делаем.

Они спокойно наблюдали за детьми, которые безуспешно пытались взобраться на ограждение, отделявшее их от соблазнительных препятствий внизу, а камера Мэри все время щелкала, но так ненавязчиво, что дети, вероятно, даже по-

нятия не имели, что их фотографируют.

– Вам, наверно, достается, – отважилась Руби, заметив темные круги под глазами миссис Гудселл. – Трое детишек – у вас, должно быть, много работы.

– Это да. Мальчики в младенчестве хорошо себя вели, а Кэрол по ночам такая капризная. Засыпает сразу, а потом через несколько часов просыпается, будто по будильнику. Ни одной ночи не спала спокойно. Я уже почти оставила надежду.

– Хорошенькая у вас девочка.

Миссис Гудселл просияла.

– Да, правда? Днем она вообще шелковая. Зато по ночам не дает мне покоя.

Остальная часть интервью далась ей легко. Руби узнала, что миссис Гудселл и ее муж выросли на одной улице в Брайтоне, поженились, когда ему было восемнадцать, а ей – семнадцать, как только им удалось уговорить своих родителей. Он служил в морском флоте и почти не бывал дома, и миссис Гудселл переживала, что дети его забывают.

– А что насчет опасности вторжения? Вас это тоже беспокоит?

– Не настолько, чтобы я не спала по ночам, – ответила миссис Гудселл, не спуская глаз с Джонни и Стенли. – Сирены во время налетов беспокоят – это да. Только я уложу Кэрол, как они начинают.

Старший из мальчиков, Джонни, устав от попыток пре-

одолевать преграду, пришел послушать, о чем говорят взрослые.

– Но, мама, ты же сама говорила: береженого бог бережет.

– Да, говорила, – признала его мать. – И в самом деле, лучше поберечься и слышать сирены. – Она нежно потрепала его волосы. – Пожалуй, вам троим пора домой – чай пить.

– Спасибо, что поговорили со мной, – сказала Руби. – Статья будет, вероятно, в следующем выпуске журнала, если захотите найти.

– Захочу. Спасибо. Надеюсь, вы безопасно доберетесь до дома.

На вокзал они возвращались другим путем, потому что мистер Ренфру настоял на том, чтобы показать Руби Королевский павильон. В книге, которую выдал ей мистер Данливи, целая глава была посвящена этой необычной архитектуре и непростой истории увлечения принца-регента, но сухая проза не шла ни в какое сравнение с реальностью, которая предстала глазам Руби.

Павильон был... павильон был... как должна она была реагировать на такое сооружение? Луковицы его куполов, мавританские арки, изящные минареты – все это придавало павильону вид сказочного дворца из «Тысячи и одной ночи», и она никак не ожидала увидеть подобное сооружение в Англии⁴.

⁴ «Королевский павильон» в Брайтоне (Великобритания) – бывшая приморская резиденция королей Великобритании, памятник архитектуры «индо-сара-

– Я и представить себе не могла, – сказала она, пытаясь подобрать подходящие слова.

– Именно так и реагируют большинство людей, когда видят его. Мы, конечно, очень гордимся этим павильоном, он ведь и в самом деле необыкновенный.

Хотя роскошь и величие архитектуры никуда не делось, дворец имел затрапезный вид: краска в некоторых местах облупилась, большинство окон было забито досками, оставшиеся стекла обклеены полосками бумаги.

– Королевская семья все еще его навещает?

Этот вопрос вызвал громкий смех у Мэри, которая не произнесла ни слова с того момента, когда они покинули набережную.

– Они к нему и на милю близко не подходят. Только посмотрите, как он выглядит.

Услышав это, мистер Ренфру тяжело вздохнул.

– Мисс Бьюканен права. Королева Виктория продала его городу много десятилетий назад. Его не так давно начали было реставрировать, но теперь с этим придется подождать до конца войны.

Они попрощались, и Руби вздохнула с облегчением, когда Мэри очень вежливо поблагодарила мистера Ренфру за помощь. Она не возражала против молчания ее коллег, но

цинского стиля» 1810-х годов. Принц-регент, будущий король Георг IV, построил этот павильон в частности ради встреч со своей любовницей, Мэри-Энн Фитцгерберт.

предпочитала, чтобы они не оскорбляли людей, которым собираются задавать вопросы. Неужели они не знают, что даже муху, прежде чем поймать, нужно заманить?

Как только их поезд тронулся, Руби вытащила блокнот, собираясь сделать побольше записей, пока все это свежо в памяти. К тому же это поспособствовало бы тому, чтобы путешествие прошло быстрее.

– Вы там хорошо поработали, – сказала Мэри в тишине. – С человеком из ОМО и миссис Гудселл. Знаете, вы умеете найти подход к людям. Большинство людей просто трещат о себе.

– Какой в этом смысл? Никогда ведь ничего не узнаешь, если сама не закрываешь рта.

– Согласна. Но вы, казалось, были искренне заинтересованы в ее ответах.

– Конечно, была. И потом, люди обычно чувствуют, если ты задаешь вопросы просто для того, чтобы их размягчить. Ты должна интересоваться их ответами. Должна слушать.

Мэри согласно кивнула.

– У некоторых уходят годы, чтобы додуматься до этого. Даже Кач, когда был помоложе...

– Вы его давно знаете?

– Да, тыщу лет. В Лондоне нет ни одного редактора лучше него. Да и изысканнее.

На губах Мэри играла улыбка, она повернула голову к окну.

Хотя Руби и разбирало любопытство, она была уверена: ее спутница не желает слышать никаких вопросов об ее отношениях с Качем, и поэтому она задала другой вопрос:

– Вам удалось сделать снимки, какие вы хотели?

– Думаю, да. – Она вытащила пачку сигарет из нагрудного кармана, вытряхнула одну в руку, закурила, выпустила тоненькую струйку дыма в направлении полуоткрытого окна. – Я бы вам предложила, но видела: вы не курите.

– Не курю, но вам тем не менее спасибо.

Монахини нещадно пороли любую девчонку, от которой по возвращении в монастырь несло табаком. А потом, когда она уже работала, казалось глупым тратить деньги на такую дорогую привычку, от которой к тому же развивается кашель и дурно пахнет изо рта.

– Я вот подумала... хотела спросить, вы давно работаете фотографом?

Она затаила дыхание, надеясь, что Мэри не решит закрыть глаза и притвориться спящей, а то и того хуже – устанется на нее, как на беднягу мистера Ренфру.

– Пятнадцать лет? Да, приблизительно так. Я начинала в качестве корреспондента, как вы, только у меня не слишком хорошо получалось. – Она замолчала, чтобы снять пепел с верхней губы. – У меня гораздо лучше выходило управлять с камерой. Некоторое время я работала в женском журнале. Я его возненавидела. Потом в ежедневной газете – и ее тоже возненавидела. Мужчины там были гнусные. Не то

чтобы мужчины в «ПУ» не могут быть идиотами, но Кач их быстро выстраивает. Там не нужно беспокоиться, что тебя ущипнут за задницу или начнут тискать в углу проявочной.

Руби кивнула, думая про себя, что мужчину, который попытался бы потискать Мэри, можно было признавать сумасшедшим.

– В Нью-Йорке было немного похоже. Не щипали за задницу, слава богу, но некоторые мужчины были отвратительны. У них такие шутки... и они еще честно ждали, что я буду смеяться с ними.

– И вы смеялись?

– Нет, я всегда находила предлог, чтобы уйти.

Некоторое время они молчали, а потом Руби отважилась задать еще один вопрос. По крайней мере, это был хороший опыт интервью с неразговорчивым объектом.

– Вы, кажется, из Шотландии, – сказала она, молясь про себя, чтобы ее догадка об акценте Мэри оказалась правильной.

– Да, из Шотландии. Из Думбартона, это возле Глазго, – ответила Мэри, усиливая свой акцент, а, закончив говорить, подмигнула Руби. – Там было так красиво, но я не могла дождаться, когда уеду. Как только окончила школу, я тут же уехала в Глазго. Поступила на курсы машинисток – конечно, возненавидела эту работу, потом приехала в Лондон искать удачу.

– Вы скучаете по Шотландии?

– Не то чтобы скучаю. Я не большой любитель природы. Я, наверно, сердцем городская девчонка. Теперь мой дом – Лондон.

Мэри смотрела в окно, но теперь повернулась и взглянула Руби в глаза.

– Я хотела вас предупредить. Питер и Франк – порядочные ребята, но постарайтесь не наступить им на пальцы. Как и все мужчины, они дерутся не по правилам, и я вам говорю: если вы перейдете им дорогу, они непременно перейдут дорогу вам. Вы понимаете?

– Да.

– Но более всего опасайтесь Найджела Вернона. Он неплохой редактор, но был против того, чтобы вы к нам приехали. Сейчас он, может быть, и будет помалкивать, но все равно опасайтесь его. Я ни секунды ему не верю. А я его много лет знаю.

– А почему он был против? Потому что я американка?

– Может быть. Может быть, он не хотел брать еще одну женщину в штат. А может, ему вожжа под хвост попала, и это не имеет к вам никакого отношения. Я бы на вашем месте не стала тратить время на размышления об этом. И Кач всегда вас прикроет, невзирая ни на что. Он не похож на Найджела, как мел не похож на сыр.

Руби была расстроена и обескуражена, узнав, что заместитель главного редактора возражал против нее задолго до того, как ее нога ступила на землю Англии. Ее ждут нелегкие

времена, если она собирается хорошо себя зарекомендовать. Но по крайней мере, если дела пойдут плохо, это не застанет ее врасплох. И еще она порадовалась тому, что может рассчитывать на Кача – он ее защитит.

– Спасибо, Мэри, я вам благодарна за совет.

– Не за что. А теперь я еще прикорну. Разбудите меня, когда приедем.

Письма из Лондона

от мисс Руби Сагтон

9 июля 1940 года

...во время посещения Брайтона на южном побережье Англии группа взрослых услышала откровение от шестилетнего Джонни: «Береженого бог бережет», – сказал он своей матери, и не согласиться с ним довольно затруднительно. Береговая линия там оборудована таким количеством оборонительных сооружений, что стоит подумать дважды, прежде чем вторгнуться на эту землю. Настроение портится, когда в солнечный воскресный день видишь это уродство, но это великое дело для тех, кто хочет спать спокойно.

7 сентября 1940

День прошел очень хорошо.

Утром на работе она помогала Питеру со статьей о Вике Оливере⁵. Выдающийся комик был гвоздем программы в нескольких шоу, с аншлагом прошедших в театре «Ипподром», и, несмотря на перерывы, вызванные ревом сирен во время налетов, ставших практически ежевечерними, он пока ни разу не отменил и не сократил программу. А еще он оказался приемным сыном премьер-министра, хотя и отказался говорить о своих связях с семьей Черчилля, когда давал интервью Питеру.

Руби провела кое-какие расследования, и с помощью мистера Данливи ей удалось составить вполне убедительную биографию мистера Оливера. По рождению он был австрийцем, хотя по-английски говорил без малейшего акцента. Судя по нескольким недавним публикациям, которые ей удалось найти, он был в списке известных британских евреев, подлежащих аресту после германского вторжения. Тем важнее было его поведение: он продолжал оставаться в центре внимания.

⁵ Виктор Оливер фон Самек (1898–1964) – британский актер-комик австрийского происхождения, стал наиболее известен, выступая с комическими программами на радио.

В час дня, когда настало время перерыва, все спустились на ленч в «Старый колокол». Руби, поощряемая Питером и Нелл, заказала себе к сырному сэндвичу полпинты сидра. Ей понравился вкус сидра, но, выпив, она почувствовала сонливость, а в ее планы никак не входило пустить полдня коту под хвост, засыпая на ходу.

Когда они стали натягивать плащи, Питер вдруг пригласил ее в кино. Она почти согласилась, потому что сто лет уже не была в кинотеатре, но, глядя на его лицо, покрасневшее в тот момент, когда он, запинаясь, бормотал нужные слова, она ему отказала, хотя и в самой мягкой форме. Лучше было не поощрять в нем никаких романтических чувств, когда у нее не было ни желания, ни энергии для чего бы то ни было, кроме работы. И она не солгала ему, сказав, что устала и хочет пораньше лечь спать.

А еще она подумывала иногда, не появится ли снова на ее пути капитан Беннетт. После их совместного ужина она не слышала от него ни слова. Впрочем, она ничего такого и не ожидала – ведь в конечном счете он всего лишь помог другу. И тем не менее она вспоминала об этом человеке, и рядом с ним, таким надежным, уверенным в себе и сильным, хотя и не выставляющим свою силу напоказ, Питер выглядел довольно жалко.

– Может, как-нибудь в другой раз? Когда тебя не будет одолевать усталость? Могли бы после работы поесть где-нибудь, а потом – в кино? – настаивал ее коллега, уставившись

взглядом в какую-то точку за ее плечом.

– Может, – сказала она, моля бога, чтобы Питер не воспринял ее ответ как своего рода гарантию. К ее облегчению, он просто кивнул, неожиданно пожал ей руку и направился к двери.

Она не сразу пошла домой – заглянула на кладбище при соборе Святого Петра, где, подставив лицо послеполуденному солнцу, наслаждалась строгой простотой этого сооружения. Она еще не набралась смелости войти внутрь. Столько лет прошло с того дня, когда она в последний раз заглядывала в церковь, в любую церковь, но даже ее любопытства, по крайней мере сегодня, было недостаточно, чтобы она сделала еще один шаг.

В конце концов она побрела к отелю и, вместо того чтобы взяться за книгу, которую начала читать вчера, села за машинку и принялась перепечатывать записи, набросанные утром. Устанет ли она когда-нибудь от звука и ритма ее «Ундервуда»? Клавиши так приятно шумели, когда ударник прикасался к бумаге, и она с огромной радостью смотрела на то, как петли и тире ее скорописи превращаются в четкие, ясные слова. Секретарский колледж был для нее растянувшейся во времени пыткой, но навыки, которые она там приобрела, не раз доказывали свою полезность. Если не считать Ивлин, она была единственным сотрудником в «ПУ», который умел печатать как следует – все остальные просто тупо стучали по клавишам указательным пальцем.

Час, а может, немногим более спустя, она подошла к окну, открыла его – в комнате стало слишком жарко. Потом она вернулась к столу, ее пальцы замерли над клавишами, и в этот момент она обратила внимание на шум. Рев в воздухе, настойчивый и нарастающий, не похожий ни на что, слышанное прежде. Она вернулась к окну, выгнула шею, чтобы посмотреть в небо, хотя соседние здания закрывали его почти целиком, оставляя лишь узкую голубую полосу.

Если минуту назад в небе ничего не было, то теперь она увидела движение. Голубая полоска превратилась в живой рисунок, усыпанный точками, которые то обретали четкость, то становились расплывчатыми, и все это двигалось, причем двигалось идеальным строем.

Высоко над Лондоном летели самолеты.

Она посмотрела на свои наручные часы: начало шестого. Пожалуй, она выйдет на улицу, чтобы получше рассмотреть, что там происходит. Может быть, она сумеет разобрать, что это за самолеты в воздухе, а вернее, выяснить подробности у кого-нибудь более сведущего. Если бы только она прочла и запомнила что-нибудь из статей о том, как распознать вражеские самолеты – во всех газетах печатались такие статьи. Или догадалась вырезать хотя бы одну на будущее.

Она начала зашнуровывать ботинки, когда завывла сирена, оповещавшая о налете. Этот звук не напугал ее – за последние недели сирены стали привычным фоновым шумом. Несколько раз за последний месяц немецкие бомбардиров-

щики прорывались через заслон Королевских ВВС и сбрасывали бомбы на городские окраины, но пока число жертв и нанесенный ущерб были незначительными.

Времени на раздумья не было. Она надела плащ, сунула в сумочку блокнот и карандаш и побежала по лестнице в подвал отеля. Ее раскладная койка в углу ждала ее, как и уже знакомые лица постояльцев; все было, как всегда. Вот только она сегодня чувствовала какое-то отличие. Все чувствовали.

Ей следовало бы начать делать записи – звуки, доносящиеся снаружи, поведение других людей в подвале, ее мысли в ожидании отбоя тревоги, – но она не могла заставить себя взяться за блокнот. Пока еще не могла. Пока не стало ясно, что происходит.

Звуки, доносившиеся снаружи, были неразборчивыми, не поддавались интерпретации, приглушенные мощными стенами фундамента. Это, конечно, успокаивало: если что там, снаружи, и происходило, то где-то далеко. С другой стороны, ожидание становилось тем более пугающим.

Все усиливающийся звук отбоя тревоги прозвучал час спустя, и Руби, вместо того чтобы сразу вернуться к себе, решила выйти на улицу, как и большинство тех, кто находился с ней в убежище подвала. Здесь ничего вроде бы не изменилось, во всяком случае на первый взгляд, но, посмотрев туда, где розовато мерцало заходящее солнце, она поняла, что оно сегодня почему-то садится на востоке, а не на западе.

Она вытащила из сумочки путеводитель, подаренный ей

капитаном Беннеттом, но даже с его помощью не смогла определить место пожара или пожаров, окрасивших небо алым цветом. Где это – в Уайтчепеле или Степни? В Розерхайте или на Собачьем острове? Неужели разбомблены доки и склады? Понять это было невозможно, разве что с высоты птичьего полета.

Стоять на тротуаре было бессмысленно, поэтому она вернулась в отель и съела свой скудный ужин – хлеб и маргарин, джем и чай, – каким ее смог порадовать кухонный персонал отеля.

– Вода из крана не течет, – объяснила Магги, – и газ тоже отключили.

– Да я и не сетую. Я не так уж и проголодалась.

– Все равно лучше поешьте. Никто не знает, когда они вернуться.

В восемь часов снова завывли сирены, и все поспешили в подвал, постояльцы и персонал сидели бок о бок в полутемном и чуть влажном убежище. Некоторые нестигаемые души пытались завести разговор с соседями, но в ответ получали только неодобрительные взгляды. Все, казалось, сосредоточилось на попытках определить характер звуков, проникающих в убежище снаружи. Рев пролетающих бомбардировщиков, глухие удары упавших бомб, бесполезный лай немногочисленных зенитных орудий. То, что происходило в Ист-Энде, продолжало оставаться бедствием, которое воспринималось как нечто далекое.

И все же, думала Руби, тот простой факт, что она слышит бомбы, означает, что она не очень далеко от места их падения. В этот момент другой берег океана стал казаться ей тем местом, где она должна была бы находиться.

Сигнал отбоя тревоги прозвучал перед самым рассветом. Ей так хотелось глотка свежего воздуха, что она, поднявшись из подвала, сразу же бросилась на улицу, но и тут не нашла покоя. В воздухе висел густой зловонный дым, который царапал ей нос и горло. Она в отчаянии вынула платок из кармана и приложила к лицу, чтобы приглушить запах.

– Со стороны доков. – Один из поваров отеля, в колпаке и переднике, подошел и встал с ней рядом. – Все, что было там в складах, теперь горит. Лес, парафин, сахар, смола, спирт. Все это горит. Вот откуда запах.

Руби кивнула, в ее горле стояла такая сушь, что она не решалась заговорить.

– У меня семья там, в районе Степни, – сказал он. – Надеюсь... – Он замолчал, не договорив, отвернулся, покачивая головой, и направился к дверям отеля.

Глаза Руби жгло то ли от недосыпа, то ли от дымного воздуха, но она тронулась с места и побрела прочь. Она не знала толком, куда шла, но в комнату возвращаться не хотела. Радио у нее не было, а утренние газеты не успели бы рассказать о том, что случилось. Она должна была своими глазами увидеть, что произошло.

Через пятнадцать минут она была у Темзы в нескольких

ярдах от северного края моста Саутуарк. Люди собрались у ограждения моста, вероятно, испытывая одновременно беспокойство и растерянность. К востоку, приблизительно в миле отсюда, находился мост Тауэр. Его очертания были четко видны, но все пространство за ним было загрязнено клубами маслянистого черного дыма, который, вихрясь, поднимался к небу, окрашенному в алый цвет пламенем пожаров.

Она посмотрела на людей вокруг, и ее сердце сжалось от боли. Измученные, растрепанные, они были одеты кто как – во что подвернулось под руку, когда начался налет. Один человек натянул плащ поверх пижамы. У всех на лицах она видела одно выражение: усталость, испуг, опасение за будущее, но в то же время и мрачную решимость выстоять.

Бомбардировщики вернулись следующим вечером, и следующим тоже, и так пока окончательно не помутнели воспоминания о прошлой жизни до сирен, убежищ, сна урывками. И только беспрекословная рутина работы не позволяла Руби сойти с ума. Или она убедила себя в этом. А работа день за днем требовала ее присутствия, потому что часы, проводимые в убежищах почти каждый день, крали их рабочее время, а они непременно должны были выпускать журнал в срок.

Кач не покидал офиса, а если и покидал, то только чтобы дома переодеться и принять ванну. Он был на месте, когда с первыми лучами рассвета появлялась Руби, и оставался там, когда она уходила еще до наступления вечера: он на-

стаивал, чтобы они заканчивали пораньше и возвращались домой, прежде чем сирены затянут свой вечерний вой.

Жизнь вошла в свою утомительную рутину, вмещающую в себя четыре или пять воздушных тревог за день, только одна из которых, казалось, заканчивалась налетом, а потом были еще упражнения на выносливость во время ночных налетов, которые могли продолжаться семь или восемь часов. Так проходили день за днем, неделя за неделей, и Руби чувствовала себя тонкой и хрупкой, как клочок папиросной бумаги.

Внешне в офисе мало что изменилось, хотя после того, как в здание через дорогу попала бомба, Кач потребовал переместить библиотеку мистера Данливи в подвал. Там их драгоценная коллекция старых номеров журналов и справочной литературы была в большей безопасности от бомб, однако ей грозило затопление в том случае, если будет повреждена проходящая поблизости линия водопровода. Последнюю мысль Руби держала при себе.

Статьи о Блице – так люди начали называть воздушные налеты⁶ – стали для них с Мэри хлебом насущным, и большая часть ее вклада была отправлена в Нью-Йорк для «Америкен». Весь мир, казалось, следил за Лондоном и требовал информации об источнике мужества, который помогает выжить горожанам.

⁶ Так называли бомбардировки Лондона и некоторых других городов Великобритании авиацией гитлеровской Германии в период с 7 сентября 1940 по 10 мая 1941 года, Блиц является частью Битвы за Британию.

Неделю спустя после начала бомбардировок Руби и Мэри отправились в командировку на восток в Силвертаун – городок, населенный главным образом представителями рабочего класса, втиснутый между Королевским портом Альберта и Темзой; по периметру городка расположились бензохранилища, химические заводы, сахарные заводы, газогенератор и десятки всевозможных складов, набитых легко воспламеняющимися изделиями. Одной искры было бы достаточно, чтобы вызвать в Силвертауне разрушительный пожар, а продолжительная бомбардировка люфтваффе могла бы сравнять это место с землей.

– Мне это представляется конъюнктурщиной, – возразила Руби, когда Найджел в начале недели выдал это задание. – Мы можем принести больше вреда, чем пользы.

– Туда едут журналисты со всех концов страны, – настаивал он. – А вы хотите, чтобы мы упустили эту тему, потому что она может повредить нежным чувствам какого-нибудь докера?

– Я только хотела сказать...

– Я знаю, что вы хотели сказать, – прервал ее Кач. – Но дело в том, что нам нужна эта статья. Это не подлежит обсуждению. Но вы можете написать так, чтобы никого не обидеть. Задавайте как можно меньше вопросов. Пусть люди говорят сами – вот о чем вы должны помнить. Дайте им говорить.

И они отправились в Силвертаун, прошли по разрушенным улицам городка, поговорили со всеми, кто выказывал

такое желание. Кто-то отворачивался при виде Руби с блокнотом и Мэри с камерой. Некоторые срывались на слезы, не в силах говорить. Но большинство охотно, чтобы не сказать весело, отвечали на ее вопросы.

Лучшее интервью, то, которое Руби запомнила на всю жизнь, состоялось с первым человеком, которого они там увидели. Он, весь покрытый слоем мелкой серой пыли, сидел на груде обломков, прижимая к груди статуэтку стаффордширского терьера. За его спиной дымились руины нескольких скромных домов.

– Доброе утро, – сказала Руби, ощущая нервическую сухость во рту. – Меня зовут Руби Саттон, я корреспондент журнала «Пикчер Уикли». Это моя коллега Мэри Бьюканен. Извините, что беспокоим вас, но не могли бы вы поговорить с нами, если вы не возражаете? – Она затаила дыхание, уверенная, что он им откажет.

– Чего я вдруг буду возражать – вы такие хорошенькие девчата. Вона смотрите, что нам тут немчура устроила.

– Я, хмм...

– Но наши ребятки тоже им навалили вчера вечером. Парень из противовоздушной обороны мне сам сказал сегодня утром. Полетели домой зализывать раны.

– Это точно. А здесь... это был ваш дом?

– Был. На конце улицы стоял. Мало что от него осталось.

– Но собаку вашу вы спасли.

Он опустил глаза, удивленный ее словами, но понял, что

она имеет в виду – фигурку собаки в его руке.

– Ах да. Только половинка из пары. Это моей матери. Она бы взбесилась, если бы узнала, что я позволил им разбить одну.

– Если не возражаете, расскажите мне, что случилось.

– Я был в пабе, когда зазвучали сирены. И почти сразу после сирен одна за другой стали падать бомбы. И мы спрятались в их подвале, набились туда, как сардины в банку, и сидели, пока не дали отбой. Тут столько дыма было с утра. Рук перед собой не видать. Мой дом... я когда вернулся, его не было, а вместе с ним и улицы.

– Я вам так сочувствую.

– Тут рядом были соседи, милая пара такая. Не так чтобы разговорчивые, но все же дружелюбные. Она с тростью ходила, а он всегда говорил, что никогда ее не бросит. Парень из воздушной обороны сказал... он сказал, они пытались укрыться под лестницей, но дом обвалился на них, а потом пожар...

Он отвернулся, вытер глаза рукавом, и Руби поймала себя на том, что глотает слезы.

– Я себя ругал, – продолжил он, – когда так рано отправился в паб в субботу. Моя хозяйка устроила бы мне за это головомойку. А если бы я был дома, я бы укрылся в убежище на Ориентал-роуд, оно самое ближайшее. А бомба в него прямо и угодила. Всех поубивало.

– Ваша жена?... – мягко спросила она, страшась худшего.

– Она умерла несколько лет назад. А увидела бы наш дом, так все едино тут же умерла бы на месте.

Руби встала на колени на землю, ничуть не заботясь о своих чулках.

– А вам есть куда пойти?

Он не ответил, его взгляд был устремлен в точку над ее плечами, и ей на мгновение показалось, что она зашла слишком далеко. Потом он выпрямился, расправил плечи и посмотрел ей в глаза.

– Со мной ничего не случится, можете не волноваться. Моя дочка живет за Луишамом. Она сейчас едет сюда, чтобы забрать меня. А я пришел посмотреть, не найду ли чего своего среди этих обломков.

– Мне очень жаль, что это случилось с вами, мистер...

– Джемметт. Но вы можете называть меня Билл.

– А вы меня – Руби. Я могу что-нибудь для вас сделать? Тут есть столовая на колесах неподалеку. Принести вам чая?

– Не, со мной все будет в порядке. Но все равно спасибо.

Пока Руби и Билл разговаривали, Мэри фотографировала. Все время и чуть ли не украдкой, и если бы не щелчки затвора камеры, то ее присутствие было бы вообще незаметно. Теперь она подошла и похлопала Руби по плечу.

– Нам пора.

– Мэри права, к сожалению. Вы не возражаете, если мы используем ваше имя и фотографии в журнале? Статья, вероятно, появится в выпуске, который выйдет на следующей

неделе.

– Буду ли я возражать? Да обо мне вся улица станет говорить. Я, в общем...

Только улицы, конечно, больше не было.

– Вы очень смелый человек, – воскликнула Руби. – Ваша жена наверняка гордилась бы вами.

– Спасибо, что так говорите. Я вот только не могу понять – что вас привело сюда из Америки? Если вы не возражаете против моего вопроса. В такие времена я бы посоветовал вам сидеть дома. Там у вас безопаснее.

– Но и вполовину не так интересно. Если бы я осталась дома, то не познакомилась бы с вами. Удачи вам, Билл.

– И вам удачи, Руби.

В конце сентября после третьего вечернего цикла – вой сирен, убежище, отбой – она, будучи не в состоянии спать, час за часом описывала жизнь в Лондоне во время ночных налетов: сирены, укрытие в убежище, часы ожидания. Ужасные мучения в предчувствии того, что ты увидишь утром.

Она переписывала эти заметки раз десять, не меньше, прежде чем набралась смелости показать свой труд Качу, но при этом уверенности все равно не чувствовала. Кач читал быстрее, чем кто-либо из ее знакомых, но оторвался от печатных страничек не скоро.

– Мне нравится. Правда, но...

– Но что-то в тексте не так, да? Я знала. Чего-то в нем не хватает, но я не могу...

– В нем не хватает *вас*, – сказал он. – В нем не хватает вашего видения. Перепишите это от первого лица. Расскажите читателям, кто вы и как вы сюда попали.

– Но не мое дело читать проповеди, – возразила она, – я должна стоять в стороне, чтобы читатель...

– Вы этому научились у Майка Митчелла? Насколько мне известно, Майку никогда не приходилось сидеть под бомбежками... какой сегодня день?

– Понедельник, тридцатое.

– Двадцать три ночи подряд, и не знать, сколько их еще впереди. В ваш первый день здесь вы сказали мне, что вы – человек со стороны. Сказали, что хотите стоять в сторонке и наблюдать.

– Да, но...

– И что? Теперь вы в гуще событий. Блиц в самом разгаре как для вас, так и для нас. И вы вполне можете честно писать о происходящем.

Письма из Лондона

от мисс Руби Саттон

30 сентября 1940 года

...Не думаю, что смогла бы описать это, не испытав происходящего на собственной шкуре. Просто как дважды два. Страх перед бомбами – вещь вполне реальная, и если в Лондоне есть мужчина или женщина, которые не боятся налетов, то я хотела бы позаимствовать немного их мужества. Меня удивляет

их добрый юмор. Удивляет, как жители этого города могут улыбаться и продолжать более или менее вовремя приходить на работу, делать то, что требуется делать, и, хотя время от времени с ними и случаются минуты слабости, находить поводы для шуток, петь и смеяться – этого я пока не смогла понять...

Октябрь 1940

Они уже сворачивали свою летучку, завершающую неделю, когда Кач, не обращаясь ни к кому конкретно, сообщил, что сегодня идет на концерт в Национальную галерею.

– Кто-нибудь хочет со мной? Мэри?

– Иду.

– Найджел? Нелл? Питер? Руби? Ну же. Немного культуры вас не убьет.

Другие пробормотали отговорки, но Руби была заинтригована приглашением.

– А что это за концерт?

– Классической музыки.

– Я...

– Только не говорите мне, что вы из тех людей, кого интересует только современная музыка. Танцевальные оркестры со своими барабанами, саксофонами и скрежещущими кларнетами. Все составляющие ночного кошмара, – проворчал он.

– Вы бы так не говорили, если бы сходили на концерт Бени Гудмана.

Нелл в другом конце комнаты радостно взвизгнула:

– Ты слышала, как он играет?

– Только раз, примерно год назад. Это было чудесно.

Билет на концерт был таким дорогим – она чуть в обморок не упала: больше двух долларов, но как только мистер Гудман вышел со своим кларнетом, она оказалась на небесах.

– Я настаиваю на том, чтобы вы пошли на концерт, – сказал Кач, обрывая ее воспоминания. – Я уверен, вам он понравится гораздо больше, чем сногшибательное синкопирование мистера Гудмана.

– Хорошо, – согласилась Руби. – Если настаиваете.

Наверняка она услышит что-то новое, а это не может быть плохо.

– Ну, скажем, без четверти двенадцать. На тот случай, если там будет очередь. Мы можем поесть что-нибудь в кафе галереи.

Они все вернулись к своим столам, своим конкретным занятиям, которые вытеснили из их голов другие заботы, а Руби задумалась над тем, как лучше подать ту историю, над которой она работала: один день сотрудницы Женской волонтерской службы. Найджел предложил ей позвонить «кое-кому» в эту службу и попросить, чтобы связали с подходящим человеком, готовым дать интервью, но Руби соглашалась прибегнуть к этому варианту только в крайнем случае. Прямое обращение в ЖВС будет напрасной тратой времени, поскольку там неизбежно начнутся сомнения официальных лиц – кого выбрать на эту роль. И высока была вероятность, что ей устроят интервью с личностью, в которой столько же жизни, сколько в промокшем картоне.

– Готова?

Она подняла голову и увидела возле своего стола Мэри и Кача.

– Прошу прощения – потеряла счет времени. – Она сунула блокнот в сумочку, сняла с вешалки шляпку и плащ. – Куда, вы говорите, мы направляемся?

– На Трафальгарскую площадь, – ответил Кач. – Концерты проводятся в подвале Национальной галереи.

Они повернули на юг, прошли к Темзе и, как ей показалось, в направлении станции метро «Блэкфрайерс».

– А зачем вообще эти концерты? Я думала, люди слишком заняты для таких вещей.

– За что мы сражаемся, если не за красоту искусства? – пролаял Кач и, словно услышав грубость своего голоса, сконфуженно улыбнулся Руби. – Извините, для меня это как красная тряпка – я имею в виду, слова о том, что мы все, если хотим добиться поражения Гитлера, должны уткнуться носами в главное и не обращать внимания ни на что другое. Я не согласен, поэтому-то я и иду на концерт – чтобы насладиться прекрасной музыкой. Что он может сделать, чтобы остановить меня?

– Он может разбомбить галерею, – заметила Руби.

– Он ее уже бомбил. Им на прошлой неделе пришлось эвакуировать зрителей – кажется, зажигательная бомба свалилась с неба в соседнее помещение. Но шоу не было остановлено. Они просто спустились по лестнице. Победу одержала

прекрасная музыка.

– Давайте лучше поговорим о музыке, – сказала Мэри. – Тот последний концерт, на который мы ходили, – это был ужас какой-то.

– Стравинский? Мне понравилось.

– Это не мое, – не соглашалась Мэри. – А вот Баха и Бетховена хоть каждый день могу слушать.

– А люди не жалуются? – спросила Руби. – Они же оба – немецкие композиторы.

– Да, и я наверняка и определенно знаю, что ни один из них не был членом Нацистской партии, – пробормотал Кач, – так что, я думаю, мы можем слушать их музыку с чистой совестью.

– Я не это имела в виду...

– Я знаю, Руби. Я просто сражаюсь с ветряными мельницами. Ну вот – пришли. Метро.

Не успели они спуститься на платформу, как подошел поезд. Хотя в вагонах было полно народа, Кач настоял, чтобы и они втиснулись внутрь. Ничуть не комфортнее, чем в нью-йоркском метро в час пик, подумала Руби, слава богу, что им ехать всего ничего.

– А какая музыка в сегодняшней программе? – спросила она, когда поезд тронулся.

– Понятия не имею, – сказал Кач. – Скорее всего, что-то традиционное. Время от времени они экспериментируют с современной музыкой – например, исполняют Стравинско-

го, на которого жаловалась Мэри, – но современная музыка не очень популярна. Большинству людей подавай что-нибудь проверенное временем.

– Я никогда прежде не слышала настоящего оркестра, – призналась Руби. – Только оркестр мистера Гудмана в тот единственный раз. – Она не стала рассказывать про хрипловатый расстроенный аккордеон, на котором каждое утро во время мессы играла сестра Мэри-Фрэнсис. Тот аккордеон был орудием пытки, а не музыкальным инструментом.

– Сегодня будет не оркестр, – предупредил Кач. – Скорее камерный ансамбль. Не больше десятка музыкантов. Или пианист соло.

– Сначала ты увлекаешь девушку прекрасной музыкой, а потом лишаешь ее иллюзий, говоря, что там будут бренчать на рояле, – сказала Мэри, в шутку надув губы. – Ты уж выбери что-нибудь одно.

– Не обращайтесь на нее внимания, Руби. Ее интересуют только сэндвичи в столовой.

– Да, а почему нет? Они лучше, чем картон с опилками, которые подают в «Старом колоколе».

Руби не знала, как ей поучаствовать в этом разговоре, да и нужно ли ей это делать, поэтому она просто слушала их обмен любезностями – обычное дело среди старых друзей. Может быть, их панибратские отношения были порождением той легкости, того душевного спокойствия, которое ты испытываешь с другим человеком, если знаешь его сто лет, ес-

ли он видел тебя не в лучших твоих проявлениях, но все же относится к тебе с симпатией. Или, может быть, их отношения были основаны на интимной близости, на романтической любви? Она этого не знала и уж, конечно, не собиралась об этом спрашивать. Но все равно она им завидовала. Немного.

Когда поезд остановился на «Чаринг-Кросс», Кач повел их вверх по лестнице.

– Тут нам лучше пройтись немного, – сказал он, – чем пересаживаться на другую линию и ехать лишнюю остановку.

Они прошли несколько сотен ярдов по Вилльерс-стрит, свернули налево, дойдя до Стрэнда, и тут перед ними открылось огромное пространство площади. Только она была вовсе не пустой, а заполненной статуями, фонтанами и людьми, сотнями людей, большинство из которых, казалось, просто наслаждается великолепным послеполуденным солнцем.

– Это... это что-то, – проговорила она наконец, безуспешно попытавшись найти подходящее прилагательное. – В Нью-Йорке ничего подобного нет.

– А Таймс-сквер? – спросила Мэри.

– Ну, на самом деле это никакая не площадь. Скорее какой-то вытянутый треугольник⁷. И уж красоты там никакой нет. Только куча неоновой рекламы на зданиях.

⁷ Здесь обыгрывается исходное значение английского слова square (площадь) – геометрическое: «квадрат»; со временем оно перешло на обозначение городского пространства, имеющего форму квадрата, а потом и любого открытого городского пространства.

– Это больше похоже на Пиккадилли-серкус.

– Пожалуй.

Она проезжала по Пиккадилли на автобусе в конце лета еще до начала Блица, и Пиккадилли в самом деле напомнила ей Таймс-сквер.

– Вон там, – сказал Кач, – показывая на юг, – видно очаровательное маленькое убежище, построенное для статуи Карла I – того, которому отрубили голову.

Руби посмотрела и не смогла сдержать смех, потому что статуя стояла под гофрированным металлическим колпаком, напоминающим ветряную мельницу без крыльев.

Она повернулась к центру площади – к самому большому столбу, который когда-либо видела: его основание было защищено деревянными щитами и мешками с песком. Она знала, что это колонна Нельсона, и герой Трафальгара останется на своем высоком месте, бросая вызов бомбардировщикам. Огромные бронзовые львы у основания колонны, каждый размером со слона, тоже не были укрыты.

На площади она увидела несколько маленьких воронок, засыпанных гравием в ожидании ремонта, и несколько зданий с заколоченными досками окнами. Но фонтаны все еще работали, по площади разгуливали голуби, и дух обитателей площади, насколько она могла заметить, не был сломлен.

Когда они подошли к галерее, большому зданию, занимавшему всю северную часть площади, Руби заметила длинную, растущую очередь, извивающуюся змеей на централь-

ной лестнице и уходящую вправо.

– Нам туда никогда не попасть.

– Ну, тут всего-то человек сто, – сказала Мэри. – Попадем, можешь не беспокоиться. И вот тогда-то и пожалеешь.

– Ну-ка, шире шаг, – поторопил их Кач, и они поспешили встать в конец очереди. Вблизи галерея и в самом деле выглядела гигантским сооружением и показалась Руби не меньше музея Метрополитен. Она несколько раз приходила в этот музей, и каждый раз с ощущением, что сколько бы раз она в нем ни побывала, всех хранящихся там сокровищ ей все равно никогда не увидеть.

– Вы говорили, что галерея пуста? – спросила она Кача.

– Да. Сразу после объявления войны...

– Привет!

Какой-то человек подошел к Качу с другой стороны и теперь пожимал ему руку. Выглянув из-за упитанной фигуры главного редактора, Руби с удивлением увидела капитана Беннетта. Он подошел к Мэри, клюнул ее в щеку, а потом встал лицом к лицу с Руби, наклонил голову, чтобы поцеловать в щеку, хотя она протягивала ему руку.

– Привет, Руби. Рад вас видеть снова.

Он был в форме, хотя в его знаках различия что-то изменилось – на воротнике и в погонах, только она плохо разбиралась в таких деталях. Вид у него сегодня был не такой усталый, как в июле, тени под глазами стали менее заметны. И его глаза – она не забыла их цвет. Голубой, темный и соч-

ный, цвет новой пары джинсов, и если существовал какой-то более американский способ описать их, то она его и представить себе не могла.

Она вдруг поймала себя на том, что беззастенчиво тарашит на него.

– Вы хорошо выглядите, – сказала она, все еще чувствуя тепло его губ. – Сколько времени прошло с нашей встречи.

– Да. Прошу прощения. Меня с лета в городе не было.

Она с удовольствием вспоминала их совместный ужин и была немного разочарована, когда он после этого пропал. Забавно, как она не позволяла себе задумываться о его исчезновении до самого этого момента, когда снова увидела его здесь, на площади, в солнечный день.

Глупо было, что такая мелочь беспокоила ее. Она никогда не принадлежала к той категории девиц, кто будет дуться из-за всякой ерунды как мышь на крупу, когда и без того есть чем заняться. Жизнь полна гораздо более важных событий, чем ужины с красивым британским капитаном.

– Рад, что ты сумел вырваться, – сказал Кач. – Работы – передохнуть некогда?

– Не так чтобы уж совсем некогда, – любезно ответил он. – Я теперь работаю в Межведомственном исследовательском бюро, – объяснил он Руби. – И никто вроде бы не возражал, когда я сказал, что сегодня устрою себе долгую передышку на ленч. Это говорит, что я занимаю важное место в круговороте вещей в природе.

Они подошли к дверям, и возникла небольшая неловкость, когда она попыталась заплатить за свой билет и программку, но ее попытка не была оценена по достоинству Качем, который заплатил за всех четверых.

– Это меньшее, что я могу сделать, – сказал он, – поскольку шантажом заставил вас прийти сюда.

– По крайней мере, ленчем я вас могу угостить? – спросила Руби.

– Не можете, – отрезал он, правда, смягчив свои слова улыбкой.

Столовую, в которой работали одни волонтеры, организовали в пустой верхней галерее на самом верху. Там стояли длинные столы, заставленные подносами с готовыми сэндвичами и кусочками кекса, а в другом конце громоздились полные чайники и кофейники.

– Сливочный сыр с финиками, ветчина с чатни, сыр с чатни, сосиска в тесте, – отбарабанила волонтерша, вышедшая им навстречу.

– Ветчина с чатни, – заказала Руби и получила сэндвич, который выглядел, как и обещала Мэри, гораздо более аппетитно, чем те, что они ели на работе.

– «Вокзальные пирожные» – дальше, чай и кофе тоже. Кассир в конце. Следующий, пожалуйста.

«Вокзальное пирожное» при близком рассмотрении оказалось бисквитом, в который воткнули кусочки сухофруктов.

– Сушеная слива, милая, – сказала волонтерша, подававшая ломтики. – Сейчас вишню в сахаре днем с огнем не найти. Чай или кофе?

– Нет, спасибо. Меня устроит и одно пирожное.

Руби научилась с подозрением относиться к тому, что в Лондоне называли «кофе», поскольку «кофе» неизменно оказывался горячей водой, в которой были разведены несколько капель кофейного экстракта с запахом меди.

– Всем есть, – скомандовал Кач. – До начала концерта пятнадцать минут, а стоять мне бы не хотелось.

Проглотив сэндвичи и пирожные, они влились в поток, направлявшийся в подвал с большим залом, но низкими потолками. В дальнем конце зала на сцене стоял великолепный рояль.

– Интересно, как они втащили сюда рояль, – прошептала Руби в ухо Мэри, когда они заняли места где-то между сценой и выходом.

– Хороший вопрос. Я думаю, осторожно.

Она оказалась в кресле между Мэри и капитаном Беннеттом, по другую сторону от Мэри уселся Кач.

– Вам хорошо видно с вашего места? – спросил капитан. – Если хотите, можем поменяться.

– Спасибо, мне хорошо видно.

– Когда тут начались концерты в прошлом году, их давали наверху – не помню, как называется этот зал. Как бы то ни было, но музыканты там сидят под громадным стеклянным

куполом. Смотрится прекрасно, но сидеть там во время воздушного налета – не самое мудрое решение. Никто не хочет видеть Миру Гесс, нанизанную на осколок стекла.

– Мира Гесс? – переспросила Руби. – Она одна из музыкантов?

– Да, и это ей пришла в голову мысль давать тут концерты. Примечательная личность. Если нам повезет, она сегодня тоже будет играть. – Он вытащил из нагрудного кармана программку, теперь довольно помятую. – К сожалению, сегодня ее не будет. Ничего не знаю насчет других музыкантов, хотя обычно тут прекрасные исполнители. Мне нравится их сегодняшний выбор музыки.

– Вот как, – сказала Руби, не желая признавать, что она знает о классической музыке, вероятно, не больше, чем он знает о бейсболе.

– Они начинают с сонаты Моцарта для скрипки и фортепьяно ля-мажор, потом небольшой перерыв, потом соната Элгара для скрипки ми-минор. Величайший из современных композиторов. Прекрасная вещь, хотя я предпочитаю его концерт для виолончели.

– Похоже, вы неплохо разбираетесь в классической музыке.

– Моя мать была музыкантом. Пианисткой. Хотя профессионально она никогда не выступала. Но была больше, чем заядлым дилетантом.

– Она и вас заставила учиться?

– Да, хотя я тот еще был ученик. Предпочитал по деревьям лазать или бить окна в консерватории мячиком для крикета. Теперь я ей благодарен, что она проявила настойчивость.

Аплодисменты известили о появлении музыкантов – двое мужчин в форме поклонились, а потом взялись за инструменты. Скрипач встал в одиночестве в центре сцены, а к пианисту сбоку подседа молодая женщина.

– Чтобы страницы переворачивать, – прошептал ей капитан Беннетт.

Тишина... а потом музыка, возвышенная музыка, заполнившая ее мысли, ее чувства, затмила все, остались только чарующие грустные звуки скрипки и отточенное изящество рояля. Музыка оказывала на нее гипнотическое действие, и Руби даже наклонилась вперед, впитывая эти звуки. Классическая музыка, которую она слышала по радио, казалась ей скучной и тяжелой, но сейчас музыка звучала волшебно. Озвученный солнечный свет. Соната закончилась финальным звуковым росчерком, и музыка так захватила Руби, что она чуть не подпрыгнула, когда зал разразился аплодисментами. Она взглянула на часы – поняла, что прошло почти полчаса. А ей казалось – считанные минуты.

– Вам понравилось? – тихо спросил капитан Беннетт.

– Очень. Я и понятия не имела...

– Прекрасная музыка. И, к сожалению, редко исполняется.

– Но ведь это еще не все, да?

– Да. Они вернутся через минуту – будет еще Элгар. Он ничуть не похож на Моцарта, но я думаю, вам понравится не меньше. А может, даже и больше.

Соната Элгара и в самом деле была другой, такой прочувствованной, такой романтической, что у Руби от удовольствия перехватывало дыхание, по телу пробежала дрожь, а голова кружилась. Музыканты начали убирать смычки, а она удивленно посмотрела на капитана Беннетта.

– Я знал, что вам понравится, – сказал он.

– Вы говорите, что этот композитор – англичанин?

– Был. Он умер пять или шесть лет назад. А почему вы спрашиваете?

– Не знаю. Только потому, что это самая неанглийская вещь, какую я слышала.

– Почему? Потому что она такая страстная? – спросил он, и хотя попытался напустить серьезность на лицо, но не смог сдержать улыбки.

– Наверное, – ответила она, подавляя смешок.

– Хм-м. Я бы сказал, вам следует лучше узнать нас. Ну – нам пора.

Они вышли на улицу, и, поскольку сотни людей из подвала выбирались довольно медленно, Мэри и Кача пришлось подождать.

– Мы с Мэри возвращаемся в офис, – сказал Кач. – А вам, Руби, нужно домой. Вам не имеет смысла возвращаться в офис, поскольку я через час все равно отправил бы вас до-

мой.

– Я пойду с вами, – предложил ей капитан Беннетт. – Живу неподалеку от «Манчестера».

– И вам не нужно возвращаться на работу? Сейчас только половина третьего.

– У нас нет строгого расписания. Никто не будет возражать.

«Даже банкиры работают дольше», – подумала Руби, но кто она такая, чтобы спорить. Они простились с Качем и Мэри и пошли на север по Чаринг-Кросс предположительно к ближайшему метро.

– Я подумал, что нам лучше по линии Пиккадилли добраться до Кингс-Кросс, – сказал он несколько минут спустя. – А там можно пересесть на поезд до Алдерстейта. Если только у вас нет других планов.

– Нет, только домой. Мне еще нужно много чего прочесть.

Им удалось втиснуться в прибывший поезд, и хотя Руби было довольно неловко стоять всего в нескольких дюймах от человека, которого она едва знала, ее не особенно прельщала мысль придвигаться к окружающим ее со всех сторон людям, которых она не знала совсем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.